

Сергей
Алексеев

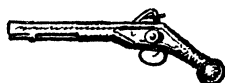
Рассказы
о Суворове
и русских
солдатах

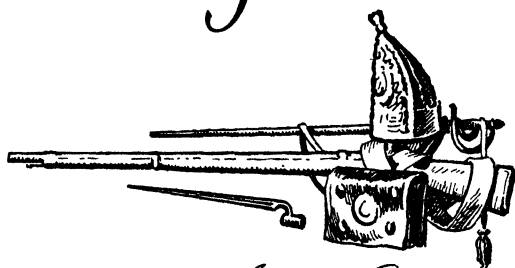
Издательство
"Детская литература"

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Сергей Алексеев

Рассказы
о Суворове
и русских
солдатах

Москва
„Детская литература“
1984

Вы, конечно, уже догадались, о чём эта книга. О мужестве русских солдат, о боях и походах, о прославленном нашем предке великом русском полководце Александре Васильевиче Суворове.

Автор «Рассказов о Суворове и русских солдатах» Сергей Петрович Алексеев многим из вас уже хорошо известен.

Видимо, есть среди вас немало читателей, которые знают другие книги Сергея Алексеева. А таких книг немало. Среди них исторические повести «Небывалое бывает», «История крепостного мальчика», «Грозный всадник», «Жизнь и смерть Гришатики Соколова», «Птица-слава».

Широко известны повести С. Алексеева «Декабристы», «Сын великана», «Братиска», сборник рассказов «Упрямая льдина», «Октябрь шагает по стране», а также книги «Идёт война народная» и «Богатырские фамилии».

В 1970 году за создание рассказов по русской истории Сергею Алексееву была присуждена Государственная премия РСФСР им. Н. К. Крупской, а в 1979 году присуждена премия Ленинского комсомола.

В 1978 году решением Международного жюри имени писателя включено в Почётный список Андерсена с вручением ему почётного диплома имени великого датского сказочника.

Произведения С. Алексеева переведены более чем на 20 языков народов СССР.

Рисунки Л. Сикóрского
Обложка П. Ф á л и н а

Алексеев С. П.

A47 Рассказы о Суворове и русских солдатах/Рис. Л. Сикорского.— М.: Дет. лит., 1984.— 128 с., ил.— (Школьная б-ка для нерусск. школ).

В пер.: 35 коп.

Рассказы известного детского писателя С. Алексеева о мужестве русских солдат, о великом русском полководце Александре Васильевиче Суворове.

A 4803010102—332 213—84
M101(03)84

Глава I.

ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ

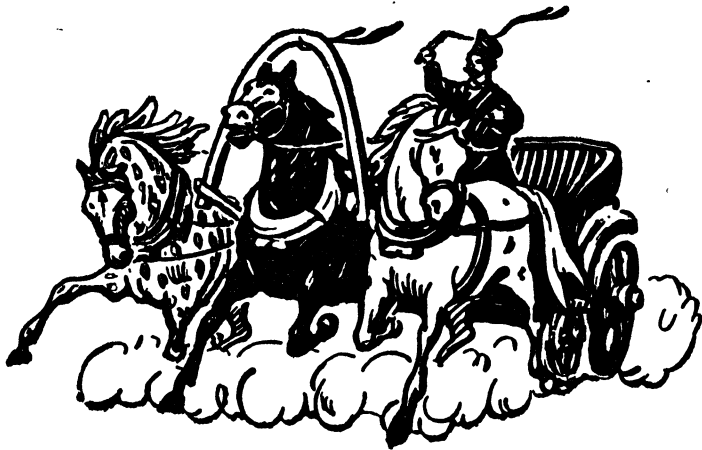
Суворов с детства мечтал стать военным. Однако он был слабым и болезненным мальчиком. «Ну где же тебе быть военным! — смеялся над ним отец. — Ты и ружья не подымеешь!» Слова отца огорчали Суворова. Он решил закаляться.

Наступят, бывало, зимние холода, все оденутся в тёплые шубы или вообще не выйдут из дому, а маленький Суворов накинёт лёгкую куртку и целый день проводит на улице. Наступит весна. Только вскроются реки, ещё никто и не думает купаться, а Суворов — бух в студёную воду. Его не страшили теперь ни жара, ни холод. Мальчик много ходил, хорошо научился ездить верхом. Суворов добился своего. Он окреп и вскоре поступил на военную службу.

Семьдесят лет прожил Суворов. Более пятидесяти из них он провёл в армии. Начал службу простым солдатом. Конец её фельдмаршалом и генералиссимусом.

Тридцать пять больших боёв и сражений провёл Суворов. В каждом из них он был победителем.

Из рассказов, вошедших в первую главу этой книги, ты и узнаешь о том, как Суворов громил неприятеля, как и почему пришла к нему вечная слава.

ПАКЭТ

За непослушание императору Суворов был отстранён от армии. Жил фельдмаршал в селе Кончанском. В бабки играл с мальчишками, помогал звонарю бить в церковные колокола. В святые праздники пел на клиросе¹.

А между тем русская армия тронулась в новый поход. И не было на Руси второго Суворова. Тут-то и вспомнили про Кончанское.

Прибыл к Суворову на тройке молодой офицер, привёз фельдмаршалу пакет за пятью печатями от самого государя императора Павла Первого.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Графу Александру Суворову в собственные руки».

¹ К ли р о с — место для певчих в церкви.

Покрутил фельдмаршал пакет в руках, вернул офицеру.

— Не мне, — говорит. — Не мне.

— Как — не вам! — поразился посыльный. — Вам. Велено вам в собственные руки.

— Не мне. Не мне, — повторил Суворов. — Не задерживай. Мне с ребятами в лес по грибы-ягоды надо идти.

И пошел.

Смотрит офицер на пакет — всё как полагается: и «графу» и «Александрю Суворову».

— Александр Васильевич! — закричал. — Ваше сиятельство!

— Ну что? — остановился Суворов.

— Пакет...

— Сказано — не мне, — произнес Суворов. — Не мне. Видать, другому Суворову.

Так и уехал ни с чем посыльный.

Прошло несколько дней, и снова в Кончанское прибыл на тройке молодой офицер. Снова привез от государя императора пакет за пятью печатями.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Фельдмаршалу российскому Александру Суворову».

— Вот теперь мне, — произнес Суворов и распечатал пакет.

БИТЬ, А НЕ СЧИТАТЬ

Впервы́е Суво́ров попа́л на войну́ совсе́м молоды́м офице́ром. Росси́я в то вре́мя воева́ла с Пру́ссией. И ру́сские и пру́ссские войска́ растяну́лись широ́ким фронтóм. Армии гото́вились к гро́зным боя́м, а пока́ ме́лкими набёга́ми «изуча́ли» друг дру́га.

Суво́рову вы́делили со́тню казако́в и поручи́ли наблюда́ть за проти́вником.

В сорока́ верста́х от ко́рпуса, в кото́ром служи́л Суво́ров, находи́лся пру́сский городо́к Ландебёрг. Городо́к небольшо́й, но ва́жный. Стоя́л он на перепу́тье проёзжих доро́г. Охраня́л его́ хорошо́ воору́женный отря́д пру́сских гуса́р.

Ходи́л Суво́ров не́сколько раз со своё́й со́тней в развёдку, исколеси́л всю окрúгу, но, как назло́, да́же издали ни одно́го прусса́ка не уви́дел.

А что же э́то за война́, е́сли да́же не ви́дишь проти́вника!

И вот молодóй офице́р реши́л учини́ть настоя́щее де́ло, попыта́ть сча́стья и взять Ландебёрг. Мо́лод, горя́ч был Суво́ров.

По́днял он среди́ но́чи со́тню, приказáл сегда́ть лошаде́й.

— Куда́ э́то? — заволнова́лся каза́чий со́тник.

— Вперёд! — крáтко отве́тил Суво́ров.

До рассвёта прошла́ суво́ровская со́тня все́ сорок ве́рст¹ и оказа́лась на бере́гу глубо́кой ре́ки, как раз напро́тив пру́сского го́рода.

Осмотрéлся Суво́ров — моста́ нет. Сожгли́

¹ Ве́рста — ру́сская ме́ра дли́ны, ра́вная 1,06 км.

пруссáки для безопáсности мост. Оградíли себя от неожíданных нападéний.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

— В воду! За мной! — и первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

— Город наш! Вперёд! — закричал Суворов.

— В городе же прусские гусары, — попытался остановить Суворова казачий сотник.

— Помилуй бог, так это и хорошо! — ответил Суворов. — Их как раз мы и ищем.

Понял сотник, что Суворова не остановишь.

— Александр Васильевич, — говорит, — прикажите хоть узнать, много ли их.

— Зачем? — возразил Суворов. — Мы пришли бить, а не считать.

Казаки ворвались в город и разбили противника.

ТУРТУКАЙ

Слава Суворова началась с Туртукая.

Суворов только недавно был произведён в генералы и сражался под началом фельдмар-

шала князя Румянцева-Задунайского против турок.

Румянец вёл войну нерешительно. Русская армия топталась на месте. Никаких побед, никаких продвижений.

Не терпелось, не хотелось Суворову сидеть на одном месте.

— Одним взглядением крепостей не возьмёшь,— возмущался он робостью князя Румянцева.

И вот, не спросясь разрешения, Суворов завязал с неприятелем бой. Отбросил противника, погнав и уже было ворвался в турецкую крепость Туртукай, как пришёл приказ Румянцева повернуть назад.

Суворов подумал: победа рядом, командующий далеко, и ослушался. Ударил в штыки. «Чудо-богатыри, за мной!» И взял Туртукай.

Тут же Суворов написал фельдмаршалу донесение:

«Слава богу, слава вам! Туртукай взят, и я там».

Обидно стало Румянцеву, что молодой генерал одержал победу над турками, а он, фельдмаршал, не может. Да и рапорт в стихах разозлил Румянцева. Решил он отдать Суворова под суд за ослушание и невыполнение приказаний.

Те, кто были поближе к Румянцеву, говорили:

— Прав фельдмаршал. Что же это за армия, если в ней нарушать приказы!

Однако большинство офицеров и солдат защищали Суворова.

— Так приказ приказу рознь,— говорили одни.

— За победу — под суд?! — роптали другие.

— Это из-за стишков фельдмаршал обиделся,— перешёптывались трéтьи.

Слúхи о распрáве над молодým генерáлом дошли и до царíцы Екатерины Вторóй.

Защитíла она́ Суворова.

«Победíтеля не сýдят»,— написáла царíца Румянцеву.

Суворов вернóлся к войскам и чéрез нéсколько дней одержáл нóвую побéду над тóрками.

СУВОРОВ СТОЯЛ В КИМБУРНЕ

С небольшим отрядом казакóв и солдат Суворов стоял в Кимбурне.

Вáжной была́ крéпость. Слева — Чёрное мóре. Узкая песчаная косá впередí. Справа — Днепрóвский лимán. Не допустíть тóрок в Днепрóвский лимán — задáча Суворова.

Пятьдесят шесть турéцких судов подошли к Кимбурнской косé, открыли огóнь по рúсским.

Окончили турéцкие кораблi обстрéл, стали высáживать отбóрные войска́ на бéрег. Боялись тóрки Топáл-пашí¹ — так прозвáли онí Суворова. Дáже францúзских офицéров призвáли к себé на пóмощь.

Бывел Суворов навстрéчу врагú небольшой гарнизóн своéй крéпости, нáчал неравный бой.

Бьóтся рúсские солдáты не щадя животá своего. То тут, то там на конé Суворов.

— Аллá! Аллá! — кричáт тóрки.

— Урá! Урá! — не смолкáют рúсские.

Идёт отчáянный бой, кипít рукопáшная сéча.

¹ Топáл-пашá — хромой начальник. У Суворова в это время болéла ногá, и он прихрамывал.

В разгáр сражéния картéчь удáрила в грудь Суворóва. Потерял он сознáние, свалился с коня.
— Топáл-пашá убит! Убит! Убит! — пронеслось в турéцких рядах.

Осмелéли тóрки, с нóвой сíлой бросились в битву.

Пóдняли мéжду тем казаки генерáла, промыли рану солёной водóй. Пришёл Суворов в себя.

— Помогло, помилуй бог, помогло!

Увидели солдаты любимого командира — ни шагу назад, ни пяди земли противнику.

Не утихает смертельный бой.

— Ура! Алла! Алла! Ура! — несётся над берегом.

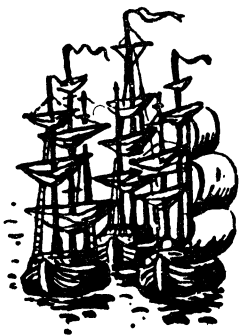
Прошёл час, и снова Суворова ранило. Хотели казаки вынести генерала в тихое место.

— Не смей! — кричал Суворов.

Перехватил он рану рукавом от рубахи и снова к войскам. Однако от ран генерал обессилел. То и дело теряет Суворов сознание. Окружили его казаки, поддерживают командира в седле.

Привстанет Суворов на стременах, взмахнёт шпагой, крикнет: «Ура!» — и снова от боли теряет сознание. Снова придёт в себя, снова «ура», и снова на казацкие плечи валится.

Приказал тогда Суворов казакам придерживать коня на бугре, на высоком месте, — так, чтобы солдаты его видели. Видят солдаты генерала в бою, из последней мочи держатся.

Устояли казаки и гренадёры. Дождались подмоги. Прибыла конница, ударили русские во всю силу, погна́ли ту́рок и французских офицеров наза́д, к Чёрному мо́рю. Немно́гие добра́лись до своих кораблём. А те, что добра́лись, распусти́ли слух, что Суво́ров уби́т в Кинбу́рне. Одна́ко от ран Суво́ров ско́ро опра́вился и ещё не раз о себё напо́мнил.

БЫТВА ФОКША́НСКАЯ

С русскими про́тив ту́рок сража́лись австри́йцы. Дела́ у австри́йцев бы́ли нева́жны, и им грози́л разгро́м под Фо́кша́нами.

Запроси́ли австри́йцы у русски́х по́мощи. На по́мощь пришёл Суво́ров.

При́был Суво́ров, остано́вился недале́ко от австри́йского ла́геря. Командующи́й австри́йской а́рмией принц Ко́бургский неме́для присла́л к Суво́рову посылно́го с про́сьбой, что́бы русски́й генера́л тут же яви́лся к австри́йцам на воённы́й сове́т.

А Суво́ров стра́шно не люби́л воённы́х сове́тов, к тому́ же австри́йских. Знал он, что начну́тся спо́ры, колеба́ния, сомне́ния. То́лько вре́мя уйдёт. А ту́рки тем вре́менем узна́ют о приходе́ Суво́рова.

Прискака́л посылно́й от принца́ Ко́бургского к русскому ла́герю.

— Суво́ров бо́гу мо́лится, — зая́вили посылно́му.

Че́рез час при́был но́вый посылно́й.

— Суво́ров у́жинает, — отве́чают ему́.

Проше́л ещё́ час, и сно́ва при́был посылно́й.

— Суво́ров спит, — объ́ясни́ли австри́йцу. — Наказа́л не трево́жить.

А Суворов вовсе не спал. Изучал он позиции неприятеля. Готовился к бою.

Глубокой ночью принца Кобургского разбудили. Приехал курьер от Суворова, привёз письмо от русского генерала.

«Выступаю на турок,— писал Суворов.— Идú слева, ступай справа. Атакуй с чем пришёл, чем бог послал. Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезай, не отпускай, ура! А коль не придёшь, ударю один»,— пригрозил Суворов.

Переполошился принц Кобургский. Как же так — без военного совета, без обсуждения и так скоро! Однако делать нечего, пришлось подчиниться.

Русские и австрийцы напали на турок и разгромили противника.

После победы кое-кто стал упрекать Суворова: нехорошо, мол, Суворов поступил с австрийцами.

— Нельзя было,— объяснял Суворов.— Нельзя иначе. Австрийцы — они поболтать любят. Заговорили бы меня на совете. Заспорили. Глядишь, и битва Фокшанская была б не на поле, а в штабе австрийском.

ВЕЛІКИЙ ВИЗІРЬ

Ни одно войско в мире не передвигалось так быстро, как суворовские солдаты. Неприятель и не ждёт Суворова, думает — русские далеко. А Суворов тут как тут. Как снег на голову. Подошёл. Ударил в штыки. Опрокинул противника. Так случилось и в знаменитой битве при Рымнике.

Рымник — это маленький городок. Рядом с ним собралась огромная, стотысячная турецкая армия.

Командующий турецкой армией великий визирь Юсуф-паша восседал у себя в шатре на шёлковых подушках, пил кофе.

Хорошее настроение у великого визиря. Только что побывал у него турецкий разведчик: прибыл из русского лагеря. Принёс разведчик хорошую весть: суворовская армия в четыре раза меньше турецкой. Стоит она в восьмидесяти верстах от Рымника и к бою пока не готова.

Восседал визирь на подушках, пил кофе и составлял план разгрома Суворова. Потом стал мечтать о тех наградах, которыми осыплет его турецкий государь за победу.

С мыслями о наградах великий визирь заснул. И вдруг на рассвете, сквозь радостный сон, Юсуф-паша услышал дикие крики:

— Русские! Русские! Русские!

Выскочил визирь из палатки — в турецком

ла́гере па́ника. Но́сятся туре́цкие офице́ры. Горла́нят солда́ты. Кри́ки. Шум. Разобра́ться немы́слимо.

— Ка́кие ру́сские?! Отку́да ру́сские? — кричи́т визи́рь.

А ру́ссские уже́ и сле́ва и спра́ва, бьют и в лоб, и с боко́в, и с ты́ла. Тесня́т растеря́вшихся ту́рок. «Ура́, ура́!» — то́лько и несётса со всех сто́ро́н.

— Сто́йте! — кричи́т визи́рь. — Сыны́ алла́ха! Сто́йте!

Но ту́рки не слу́шают свое́го нача́льника. Одоле́л туре́цкую а́рмию вели́кий страх.

Схвати́л тогда́ визи́рь свяще́нную кни́гу — Ко́ра́н, — стал заклина́ть тру́сов.

Но и слова́ о бо́ге не помога́ют.

Приказа́л тогда́ визи́рь стреля́ть по туре́цким солда́там из со́бственных пу́шек.

Но и пу́шки не помога́ют.

Забы́ли солда́ты и визи́ря и алла́ха. Бегу́т как ста́до бара́нов. «Ама́н!»¹ — вопя́т. — «Ама́н!» Сбива́ют и да́вят друг дру́га.

— Скоты́! — прошепта́л потрясе́нный визи́рь.

Оста́вил он и Ко́ра́н и пу́шки, подхвати́л по́лы парчо́вого свое́го хала́та и, пока́ не по́здно, бро́сился всле́д за все́ми.

Люби́л Алекса́ндр Васи́льевич стреми́тельные перехо́ды. Напада́л на неприя́теля неожиданно, обру́шивался как снег на́ голову.

¹ Ама́н — сдаётся, пощади́.

ИЗМАЙЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измайл. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, шёл вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал. И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть вёрст.

Не могли русские генералы взять турецкую крепость. И вот прошёл слух: под Измайл едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

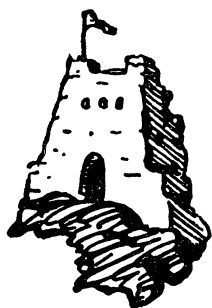
— Как поступать будем? — спрашивает.

А дело глубокой осенью было.

— Отступать надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры!» — передразнил Суворов. — «Домой!» Нет, — сказал. — Для русского солдата дорога домой через Измайл идёт. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шёл вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днём солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отста́вить! Него́же, как ста́до бара́нов, б́егать. Дава́й сно́ва.

Так и бе́гают солда́ты то к ва́лу, то наза́д. А пото́м, когда́ научи́лись подходи́ть врассыпну́ю, Суво́ров стал показыва́ть, как на вал взби́раться.

— Тут,— говори́т,— ле́зьте все ра́зом, берите число́м, взлета́йте на вал в оди́н моме́нт.

Неско́лько дней Суво́ров занима́лся с солда́тами, а пото́м посла́л к турецко́му генера́лу послóв — предложи́л, что́бы ту́рки сдали́сь. Но генера́л го́рдо отве́тил:

— Ра́ньше не́бо упаде́т в Дуна́й, чем ру́сские возьму́т Изма́йл.

Тогда́ Суво́ров отда́л прика́з нача́ть штурм крепо́сти.

Повтори́ли солда́ты всё, чему́ учи́л их Суво́ров: перешли́ ров, подняли́сь на крепо́стной вал, по штурмовы́м ле́стницам поползли́ на стéны.

Ли́хо би́лись ту́рки, то́лько не удержи́али о́ни ру́сских солда́т. Ворвали́сь суво́ровские войска́ в Изма́йл, захвати́ли в плен всю турецкую а́рмию.

Лишь оди́н ту́рок невре́димым уше́л из крепо́сти. Дрожа́щий от стра́ха, он прибежа́л в турецкую сто́лицу и рассказа́л о но́вом по́двиге ру́сских солда́т и но́вой побе́де генера́ла Суво́рова.

МІШКА

Не везло Суворову на лошадей. Одной неприятельское ядро оторвало голову. Вторую ранило в шею, и её пришлось пристрелить. Третья лошадь оказалась просто-напросто глухой.

Но вот донские казаки подарили Суворову Мишку. Глянул фельдмаршал: уши торчком, землю скребёт копытом. Не конь, а огонь.

Подошёл Суворов слева, подошёл справа. И Мишка повёл головой то в одну, то в другую сторону, как бы присматриваясь, достойным ли будет седок. Понравился Суворову Мишка. И Мишке, видно, Суворов пришёлся по вкусу. Сдружились они и понимали друг друга без слов.

Хорошее настроение у Суворова — и у Мишки хорошее, играет, мчит во весь опор. Огорчён, опечален Суворов — и Мишка насупится, шагом идёт, медленно и осторожно, чтобы лишний раз хозяина не потревожить.

Лихим оказался Мишка в бою. Ни ядер, ни пуль, ни кривых турецких сабель — ничего не боялся. У Рымника на Мишке Суворов громил Юсуф-пашу. На нём приехал под Измайл.

Но и у лошади жизнь солдатская. В одном из сражений Мишку ранило в ногу. Конь захромал и к дальнейшей службе оказался негоден.

Суворов бранился, кричал на докторов и коновалов, требовал, чтобы те вылечили Мишку. Коню делали припарки, извлекли пулю, наложили ремённый жгут. Не помогло. От хромоты конь не избавился.

Пришлось Суворову расстаться с верным товарищем. Простился фельдмаршал с конём, приказал отправить его к себе в имение, в село Кончанское. Старосте написал, что конь «за вер-

ную службу переведён в отставку и посажен на пенсию», и наказал, чтобы Мишку хорошо кормили, чистили и выводили гулять.

Староста каждый месяц должен был писать Суворову письма и сообщать, как живётся в «отставке» Мишке.

Фельдмаршал часто вспоминал лихого донца. И после Мишки у Суворова бывало немало коней, да лучше Мишки всё-таки не было.

ДЁРЗОСТЬ

В бою под Фокшанами турки расположили свою артиллерию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото.

Позиция для пушек — лучше не сыщешь; сзади неприятель не подойдёт, с флангов не обойдёт. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прошли суворовские богатыри через топи и, как гром среди ясного неба — на турецкую артиллерию сзади. Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и австрийцы, и сами русские сочли манёвр Суворова за рискованный, дерзкий. Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли б?!

— Дерзкий так дерзкий, — усмеялся Суворов. — Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что, прежде чем

пустить войска́ через болота, Суворов отрядил бывалых солдат, а те вдоль и поперёк излазили топи и выбрали надёжный путь для своих товарищей. Суворов берёт солдат и действовал наверняка.

Ме́сяц спустя в но́вом бою с ту́рками полкóвник Иллова́йский реши́л повторить дерзкий манёвр Суворова.

Обстано́вка была́ схо́жей: то́же турецкие пу́шки и то́же болото.

— Суворову повезло́,— говори́л Иллова́йский.— А я что, ху́же? И мне повезёт.

То́лько Иллова́йскому не повезло́. Повёл полкóвник солдат, не зная доро́ги. Завязли солдаты в болоте. Ста́ли тонуть. Подня́лся шум, кри́ки.

По́няли ту́рки, в чём де́ло. Разверну́ли свои пу́шки и расстреля́ли ру́сских солдат. Мнóго солдат поги́бло. Иллова́йский, одна́ко, спáсся.

Суворов разгне́вался стра́шно. Крича́л и руга́лся до хрипоты́.

— Так я же хоте́л, как вы, что́бы дерзость была́,— оправдыва́лся Иллова́йский.

— Дерзость! — крича́л Суворов.— Дерзость есть, а где же уме́ние?!

За напрáсную гибель солдат Суворов разжáловал полковника в рядовые и отпáвил в обóзную команду.

— Емú людéй доверять нельзя,— говорíл Суворов.— При лошадях он безопаснее.

УБИТ ПОД ФОКШАНАМИ

На переходе к Фокшанам одна из колонн гренадёрского Смоленского полка попáла под страшный обстрел неприятеля.

Турецкая батарея укрылась в лесу и метким огнём валила смоленцев. А рядом шла другая колонна. Командир колонны подполковник Ковшов понял, что спасти своих можно лишь стремительным нападением на батарею противника. Подскакал он к генералу Райку, начальнику обеих колонн.

— Разрешите,— просит,— ударить на неприятеля.

Однако Райк был генерал нерешительный. Сидит на коне и молчит. Думает: разрешу, а вдруг и вторая колонна погибнет.

Погибают смоленцы. Помощи нет.

А в это время обе колонны догна́л Суворов. Увидел он подполковника Ковшова.

— Сударь, товарищи гибнут, а вы стойте! Вперёд! — закричал Суворов.

— Ваше сиятельство,— стал оправдываться подполковник,— так я бы немедля исполнил свой долг, но жду приказания своего генерала.

Посмотрёл Суворов на генерала, а тот по-прежнему сидит на коне и молчит.

— Какého генерала?! — воскликнул Суворов. — Райка? Да разве вы не видите, что он убит!

Не понял вначале Ковшов насмешки Суворова. Как так, думает, почему же убит, коль генерал Райк жив и здоров и тут же рядом сидит на коне!

— Убит. Убит, — повторил Суворов. — Ступайте!

Бросился Ковшов к своей колонне, повернул её в лес, разгромил турецкую батарею и спас товарищей.

За суворовские слова Райк страшно обиделся. В тот же день он подал рапорт об отчислении его из суворовской армии.

Про́сьбу Райка Суворов удовлетворил.

— Не надобны мне подобные генералы, — говорил он. — Коль воинский начальник в нерешительности пребывает — пользы с него не будет.

Позже, когда Суворова спрашивали:

— А где же генерал Райк?

Он неизменно отвечал:

— Убит. Убит под Фокшанами.

ГДЕ Ж ЭТО ВИДАНО...

Где ж это видано, чтобы кавалерия атаковала окопы!

При подходе к Рымнику на привале солдаты завели спор.

— А всё же много нашего брата гибнет, — заявил круглолицый, с рябинками от оспы солдат.

— Так война, как же оно́ без смертёй.

— Та́к-то оно́ так,— соглаша́лся солда́т,— а всё же, е́сли поду́мать...

— Чего́ же тут ду́мать?

— А вот, к приме́ру: засе́л неприятель в око́пах, пока́ до него́ добежи́шь, ско́лько люде́й нава́лит. А е́жели на коня́х — раз, и в моме́нт в око́пах.

Смею́тся солда́ты. Где ж э́то ви́дано, чтоб на коня́х — и в око́пы.

— Ты что же, умне́е само́го Суво́рова? — говоря́т.

— Заце́м же умне́е? Э́то я так, к сло́ву,— засму́щале́ся солда́т.

А в э́то вре́мя Суво́ров проходи́л по ла́герю и подслу́шал солда́тский разгово́р. Подоше́л он к спо́рщикам.

— Как звать? — обрати́лся к рябо́му солда́ту.

— Оста́п Капелю́ха.

— Ро́дом отку́да?

— Малоросси́йский, ва́ше сия́тельство, изпод Черни́гова.

— Так, говоря́шь, что́бы кавале́рия атаковала око́пы?

— Так то́чно, ва́ше сия́тельство.

Суво́ров уше́л.

На сле́дующий день при ата́ке турецко́го ла́геря Смоле́нский полк натолкну́лся на око́пы проти́вника. Пошли́ солда́ты в ата́ку, одна́ко ту́рки по́дняли стра́шную стрельбу́, и смоле́нцы отпря́нули.

Неско́лько раз ходи́ли в ата́ку солда́ты, да всё неу́дачно. Хотя́ и недале́ко до око́пов, ме́тров всего́ полтора́ста, одна́ко иди́ти солда́там по

рównому мѣсту. Пока бегут — турки их щёлкают, словно зайцев.

К Смолѣнскому полку прибыл Суворов. Видит — зазря погибают солдаты. Тут-то и вспомнил Суворов слова Капелюхи.

— Гей! — закричал. — Эскадрон казаков на подмогу!

Прибыли казаки. Построил их Суворов широким фронтом.

— Конница, начинай! — закричал Суворов. — Ура! На рысях! Вперёд! В полную силу!

Вмиг пролетели казаки смертельные метры. Вскочили в окопы. Начали сечу, отвлекли турецких солдат. Теперь смолѣнцы подбежали к окопам без всяких потерь и вместе с казаками добились противника.

— Ты смотри — голова! — говорили потом солдаты про Капелюху.

Солдат смущался, краснел и отвечал невпопад:

— Так это ж Суворов. Так то ж казачки. Так это ж не я. Это вы, братцы.

ТУРЕЦКИЙ ШТАНДАРТ

Стремясь отрезать отходящего неприятеля, рота поручика Вицина быстрым шагом шла по кукурузному полю.

Стебли высокие. Укрывают солдат с головой. Идут солдаты словно бы вовсе не полем, а лесом.

Вдруг видят: вперёд — турецкий штандарт.

Остановился поручик Вицин, остановились солдаты. Что бы это такое? Никак турки идут в наступление?

А штандарт колышется повёрх кукурузных стеблей и всё ближе и ближе.

— К бою! — скомандовал Вйцин.

Вскинули солдаты ружья и карабины. Ждут. Вот турецкий штандарт и совсем рядом.

— Вперёд! Ура! — закричал поручик.

Бросились солдаты вперёд. А навстрёчу им русский солдат выходит — турецкое знамя в руках.

Рассмеялись солдаты:

— Штандарт откуда?

— Как звать?

— Какóго полка?

Рассказал солдат, что звать его Гавриилом Жакёткой, что солдат он первой роты Смоленского полка, а турецкое знамя отбил в бою и вот теперь несёт командёру.

— Ай да Жакётка, — смеются солдаты. — Вот напугал! Вот обманул!

Объяснил поручик Вйцин солдату, как разыскать командёра Смоленского полка. Пошёл солдат дальше своей дорогой. А рота убыстрила шаг — и вдогон неприятелю.

Сто турецких знамен захватили русские в битве при Рымнике. Штандарт, взятый Гавриилом Жакёткой, был первым.

РОССИЙСКИЙ СОЛДАТ

Преследуя турок, гренадёр Дындин увлёкся боем.

Бежит Дындин, колет штыком, бьёт прикладом.

— Амán, амán! — кричат турки.

Отбежали с верстóу. Повернул кто-то из

турецких солдат голову, видит — всего-навсего один российский солдат сзади.

Закричал турок своим собратьям. Остановились беглецы, повернулись лицом к Дындину, окружили солдата.

— Алла! — кричат. — Алла! Сдавайся!

Только Дындин был не из тех, кто сдаётся. Пырнул штыком одного турка, пырнул второго, выстрелил в третьего.

Что было дальше, солдат не помнил. Навалились турки на русского, приглушили прикладами. Очнулся Дындин в воде. Прихватив пленного, турки вплавь переправлялись через реку Рымник. Обмыла вода солдата, приоткрыл он глаза — жив. Только всё тело жжёт, в костях ломит, голова кругом. Закрыл солдат снова глаза, уронил голову.

Выбрались турки на противоположный берег, положили на траву гренадера, советуются.

Прислушался Дындин и хоть турецкий язык не знал, но понял: решили турки пленного дальше с собой не тащить, а отрезать солдатскую голову и принести как трофеем начальству.

Подожёл турок к Дындину, схватил кривую турецкую саблю и только хотел рубануть по шее, как Дындин турка ногой в живот. Вскочил гренадер, вырвал ружьё.

Опешили турки. Что за чудо — ожил солдат, и в разные стороны.

— Стой! — кричит Дындин.

Догнал одного турка — ударил штыком. Догнал второго — и тоже штыком. Ещё один турок бросился в воду. И Дындин за ним. Потом снова на берег. Бьёт направо, налево. Лишь закусил губу и от турецких ран и побоев кривится.

Через час подошли наши солдаты. Смотрят —

на берегу реки Рымник десять турок валяются и среди них российский солдат. Присмотрелись — так это же Дындин!

— Дындин, Дындин! — позвали товарища. Шевельнулся герой.

— Жив, жив! — закричали солдаты.

Подняли они гранадера на руки, отправили к санитарной повозке.

— Десять турок! — восхищался Суворов, узнав о подвиге Дындина. — Молодец! Ой какой молодец! Мало нам, выходит, один на одного — давай нам троих, троих мало — давай нам шесть, давай нам десять на одного: всех побьем, повалим, в полон возьмем — коль такой солдат в российских войсках имеется.

ПЕРВЫЙ

Вечером после победы под Рымником Суворов шёл по русскому лагерю.

Смотрит — у одной из палаток собрались офицеры, шумят, спорят, кто первым ворвался в турецкий лагерь.

Остановился Суворов, прислушался.

— Я первым ворвался, — говорит поручик Синицкий.

— Нет, я, — уверяет капитан Мордюков.

— Первым был я, — доказывает секунд-майор граф Калачинский.

Спорят офицеры, не уступают друг другу. Знают, что первому будет награда.

Покачал головой Суворов, двинулся дальше. Смотрит — у костра собрались солдаты и тоже о том же спорят.

Остановился Суворов, прислушался.

— Первым ворвался в турецкий лагерь

гренадёр Гагин,— говорит один из солдат.

— Не Гагин, а Хотин,— поправляет его второй.

— И не Гагин, и не Хотин, а Знамов,— уверяет третий.

Решили солдаты вызвать и Гагина, и Хотина, и Знамова — пусть скажут сами.

Заинтересовался Суворов. Решил подождать. Приходят солдаты.

— Ты был первым? — спрашивают товарищи у Гагина.

— Нет,— отвечает Гагин.— Первым был Хотин.

— Ты был первым? — спрашивают у Хотина.

— Нет, не я,— отвечает Хотин.— Первым был Знамов.

— Братцы, — воскликнул Знамов,— так я же и третьим не был! Первым был Гагин. За Гагиным — Хотин.

Порядовался Суворов солдатской скромности, подошёл он к гренадёрам.

— Дети! Чудо-богатыри! Все вы были первыми. Все вы герои!

Потом Суворов вернулся к офицерской палатке. А там дело чуть не до драки. Офицеры по-прежнему спорят, друг другу первенство не уступают.

Разозлился Суворов.

— Марш спать! — прикрикнул на офицеров.— Никто из вас первым не был. Нет среди вас истинного героя.

МЕДАЛЬ

Молодой, необстрелянный солдат Кузьма Шапкин во время боя у реки Рымник струсил и весь день просидел в кустах.

Не знал Шапкин, что Суворов его приметил.

В честь победы над турками в суворовскую армию были присланы ордена и медали. Построили офицеры свои полки и роты. Прибыл к войскам Суворов, стал раздавать награды.

Стоял Шапкин в строю вместе со всеми и ждал, чтобы скорее всё это кончилось. Совесть было солдату.

И вдруг... Шапкин вздрогнул, решил, что слышался.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — закричал Суворов.

Стоит солдат, словно в землю ногами вкопанный, не шелохнется.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — повторил Суворов.

— Ступай же, ступай, — подтолкнули Кузьму солдаты.

Вышел Шапкин, потупил глаза, покраснел. А Суворов раз — и медаль ему на рубяху.

Вечером солдатам раздали по чарке вина. Расселись солдаты у палаток, стали вспоминать подробности боя, перечислять, за что и кому какие награды. Капелюхе за то, что придумал, как отбить у турок окопы. Жакетке — за турецкий штандарт. Дындину — за то, что один не оробел перед десятком турок и хоть изнемог в ранах, а в плен не дался. Получили медали и Гагин, и Хотин, и Знамов.

— Ну, а тебе за что же медаль? — спрашивают солдаты у Шапкина.

А томú и отвѣтить нѣчего.

Нóсит Шáпкин медáль, да тóлько покóя себѣ не находит. Подáвлен. Товáрищей сторóнится. Цѣлыми днями молчít.

— Тебѣ что же, медáль языкъ придавила?! — шúтят солдáты.

Прошлá недѣля, и совсѣм изглодáла сóвесть солдáта. Не вѣдержал Шáпкин, пошѣл к Суворóву. Вхóдит в палáтку и возвращáет медáль.

— Помíлуй бог! — воскликнул Суворóв.— Нагрáду назад!

Опустíл Шáпкин гóлову нízко-нízко, к сáмому пóлу, и во всѣм признáлся Суворóву.

«Ну,— дúмает,— пропадáй моя гóловá».

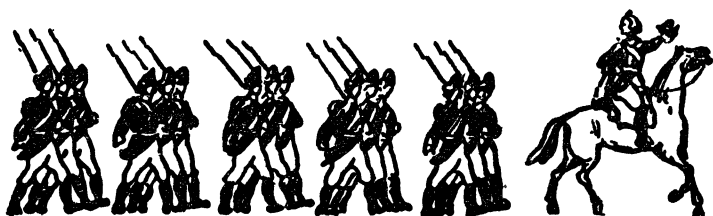
Рассмеялся Суворóв, обнял солдáта.

— Молодѣц! — произнѣс.— Знáю, брáтец, без тебá всѣ знáю. Хотѣл испытáть. Дóбрый солдáт. Дóбрый солдáт. Пáмьтуй: герóем не рождáются, герóем станóвятся. Ступáй. А медáль, лáдно, пусть полежít у меня. Тóлько, чур, медáль твоя. Тебѣ заслужít. Тебѣ и носítь.

Не ошíбся Суворóв.

В слѣдующем бою Шáпкин пѣрвым ворвáлся в турѣцкую крѣпость, заслужíл и медáль и великую слáву.

ПЕРЕХОД

Двѣжится суворо́вская а́рмия, совершает стремительный переход. День, второй, третий... десятый. Каждый день — шестьдесят вёрст. То ли солнце палит, то ли грязь, непогода — идут колонны одна за друго́й, совершают дальний поход.

Измучались солдаты в пути. Пообтрепались башмаки на дорогах. Гудят от волдырей и усталости ноги. Изнемогли солдаты. Нет солдатских сил идти дальше. А идти надо. Нельзя не идти.

Догоняет Суворов заднюю из колонн. Делает вид, что не замечает солдатской усталости.

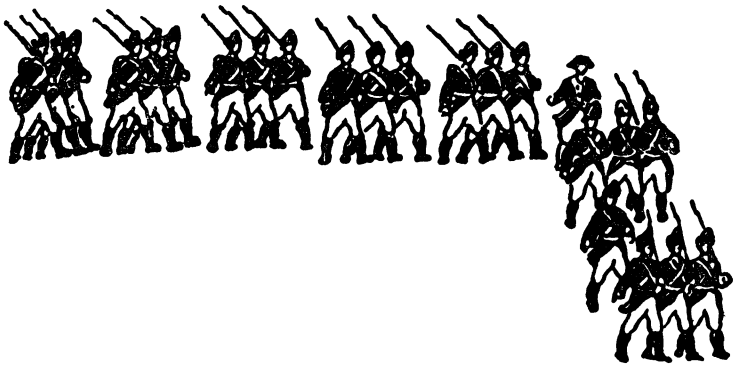
— Богатыри! Ребята! — кричит Суворов. — Орлы! — Да за вами и конному не угнаться! Так, верно, молодцы — шире шаг: отдавайте передним пятки!

Догоняет Суворов среднюю из колонн:

— Богатыри! Братцы! Неприятель от вас дрожит. Вперёд! Вперёд! Нога ногу подкрепляет — раз, два, левой, левой... Рука руку усиляет — раз, два, левой, левой! Шибче! Шибче! Задние пятки отдавят!

Догоняет Суворов первую из колонн:

— Дети! Орлы! Неприятель без вас сучает. Вперёд! Вперёд! Теснее ряд, выше голову, грудь

навѣкат! Ух, махнѣ, головѣй тряхнѣ, ўдаль солдатскую покажѣ! Барабаны! Мўзыка! Пѣсни!

Затрубѣли трубачѣ и горнѣсты, ударили барабаны, разнеслась над войсками пѣсня. Повеселѣли, подтянулись солдаты. Сбилась от чѣткого солдатского шага дорожная пыль столбѣм.

Едет впередѣ своих войск Суворѣв — доволен. Не остановилась русская армия — движется. Забыли солдаты про ссадины на ногах и усталость. Идут колонны одна за другоѣй, совершают стремительный переход.

СПОР

Как-то между солдатами начался спор — прав ѣли неправ Суворѣв, утомляя войска быстрыми переходами. Спор вели капрал Пѣнкин и рядовой Кривокорытов.

— А что, — говорил Пѣнкин, — прав Суворѣв. В быстротѣ вся сила. Быстротѣ и натиск решают дѣло.

— Так-то онѣ так, — соглашался Кривокорытов. Но тут же начинал свое: — Так ведь солдатам трудно в походе. И сила людская на это уходит, да и в пути отстают многие.

— Мáло что отстаю́т,— возража́л Пénкин.— Пусть лу́чше де́сять отста́нут, зато́ сто победя́т.

— Ишь ты — де́сять отста́нут! — не унима́лся Кривокоры́тов.— А мо́жет, э́ти де́сять са́мые сме́лые.

— Сме́лые! — усмехну́лся капра́л.— Кто же э́то тебе́ сказа́л, чтоб сме́лые — и вдруг позади́!

И дру́гие солда́ты поддержа́ли капра́ла:

— Прав Суво́ров: лу́чше уста́ть, но победить!

— Ну, как хоте́те,— сда́лся Кривокоры́тов.— А мне торопи́ться не́куда. Мне моё́ здоро́вье важне́е.

И действите́льно, на всех ма́ршах солда́т отстава́л. Армия уже́ и зако́нчила перехо́д, и вошла́ в де́ло, а бывáло, и разби́ла проти́вника, а Кривокоры́тов и дру́гие вро́де него́ ещё́ где́-то в пути́, обо́зными кля́чами та́щатся.

— Эх, несдоброва́ть тебе́, Кривокоры́тов! — не раз говори́л Пénкин солда́ту.— Пожа́ни: отстаю́щего бьют.

Так оно́ и случи́лось.

Привё́л Суво́ров ру́сские полки́ стреми́тельным ма́ршем к Ры́мнику, к ла́герю Юсу́ф-пашы́. Прошли́ солда́ты еди́ным ма́хом во́семьдесят ве́рст, разгроми́ли турецку́ю а́рмию.

Кóнчился бой. Ста́ли това́рищи разы́скивать Кривокоры́това. Нет солда́та.

Приняли́сь жда́ть. Ждут день, ждут два — не приходи́т солда́т.

На тре́тий день Кривокоры́тов нашёлся. Поленился́, отста́л, отби́лся солда́т в пути́, наскочи́л на турецки́й разъе́зд и был на́смерть врага́ми изру́блен.

Похоро́нили солда́ты това́рища, перекрести́лись. Эхма́, ни за что́ ни про́ что́, че́рез глупо́сть свою́, сложи́л гренаде́р неразу́мную го́лову!

ПАЛОЧКИ

Рядовой Пень в боях первым вперед не рвался. Зато после взятия городов был великий охотник до разной добычи.

Начнут солдаты стыдить товарища.

— А что, — отвечал Пень, — кровь проливаю, себя не жалю. Так уж и взять ничего нельзя!

Вступили суворовские войска в Рымник. Ехал Суворов по кривым, узким улочкам турецкого города, видит — выскакивает из ворот соседнего дома солдат, гусь под мышкой.

— Эй, молодец, — окликнул Суворов, — сюда! Подбежал Пень.

— Откуда гусак?!

Замялся Пень. Однако солдат был неглуп. Нашелся:

— Так хозяйка дала, ваше сиятельство. На, говорит, служивый.

— Так и дала? — усмехнулся Суворов.

— Дала, дала и еще приходит велела.

Только сказал, а в это время из турецкого дома выбегает старая турчанка. Видать, поняла бабьим чутьем, что воинский начальник солдата ругает, осмелела, подбежала к нему и давай вырывать гуся.

Отдал солдат гусака. Убежала турчанка.

— Значит, сама дала и еще приходит велела! — обозлился Суворов.

— Так то не она, другая дала, — стал выкручиваться Пень. — Молодая.

— Ах, молодая! — воскликнул Суворов.

Только воскликнул, а из дома как раз выбегает молодая турчанка и тоже к солдату. Подскочила, затараторила что-то на своем языке, руками машет и причитает.

Сувóров турецкий язýк знал, пóнял, что турчанка говорит о шёлковой шáли. Протяну́л он рýку к солдатской пáзухе — вы́тащил шаль.

Поту́пил Пень глаза́, пóнял, что быть распла́те. Крикнул Сувóров солдат, приказáл взять мародёра под стра́жу.

Вéчером пéред во́инским стро́ем ви́новного разложи́ли на ла́вке и ста́ли всыпа́ть шомполáми.

Вреза́ют солдáты ворышке, а Сувóров стои́т рядом, приговáривает:

— Жи́теля не обижа́й — он тебя́ ко́рмит, не обижа́й — он тебя́ по́ит. Так ему́. Так ему́. Ещё, ещё! — кома́ндует Сувóров. — Пусть хоть пáлочки дурь вы́бьют. Пáлочки то́же на пользу, коль солдат нечи́ст на́ руку. Солдáт — защи́тник жи́теля. Солдáт не разбо́йник!

СУП И КА́ША

Сувóровская а́рмия соверша́ла стремите́льный перехо́д. Останови́лись войска́ ночевáть в лесу́ на косо́горе, у са́мой рéчки.

Разложи́ли солдáты походные ко́стры, ста́ли варить суп и ка́шу.

Свари́ли, приня́лись есть. А генерáлы толпятся о́коло сво́их палáток, ждут Лúшку. Лúшка — генерáльский по́вар. Отста́л Лúшка гдé-то в пути́, вот и томя́тся генерáлы, сидят некор́млены.

— Что же дéлать? — говори́т Сувóров. — Пошли́ к солдатским ко́страм, господá генерáлы.

— Да нет уж, — отвеча́ют генерáлы, — мы подождём. Вот-во́т Лúшка приéдет.

Знал Сувóров, что генерáлам солдатская пи́ща не по нутру́. Спо́рить не стал.

— Ну, как хоти́те.

А сам к ближай́шим ко́страм на огонёк.

Потеснились солдаты, отвели Суворову лучшее место, дали миску и ложку.

Уселся Суворов, принялся есть. К солдатской пище фельдмаршал приучен. Ни супом, ни кашей не брезгует. Ест, наедается всласть.

— Ай да суп, славный суп! — нахваливает Суворов.

Улыбаются солдаты. Знают, что фельдмаршала на супе не проведешь: значит, и вправду суп хороший сварили.

Поел Суворов суп, взялся за кашу.

— Хорошá каша, добрая каша!

Наелся Суворов, поблагодарил солдат, вернулся к своим генералам. Улегся фельдмаршал спать, уснул богатырским сном. А гене-

ра́лам не сп́ится. Ворóчаются с бо́ку на́ бок. От го́лода му́чаются. Ждут Лу́шку.

К утру́ Лу́шка не при́был.

Подня́л Суво́ров войска́, двину́лась а́рмия в дальне́йший похóд. Едут генерáлы пону́рые, в животáх бурч́ит — есть хóчется. Прому́чались, бедные, до но́вого привáла. А когдá войска́ остано́вились, так срáзу же за Суво́ровым к солдáтским костра́м: не помира́ть же от го́лода. Рассе́лись, ждут не дожду́тся, когдá же солдáтская пи́ща свáрится.

Усмехну́лся Суво́ров. Сам приня́лся раздава́ть генерáлам суп и ка́шу. Ка́ждому даёт, ка́ждому выговáривает:

— Ешь, ешь, получáй. Да впредь не брэ́згуй солдáтским. Не брэ́згуй солдáтским. Солдáт — человек. Солдáт мне себя́ доро́же.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ШИНЕЛЬ

В насле́дство от отца́ Суво́рову доста́лась шине́ль. Была́ она́ ста́рая, потёртая, местáми ла́таная. Но Суво́ров горди́лся родите́льской шине́лью. Брал её́ с собо́ю во все похóды и, как наступáли холода́, никако́й друго́й оде́жды не признава́л.

И вот суво́ровская шине́ль попáла в ру́ки проти́вника. Де́ло бы́ло ле́том. Храни́лась шине́ль

в армейском обозе. Как-то на обоз налетел турецкий разъезд, перебил охрану и увез её вместе с другими вещами.

Фельдмаршал опечалился страшно. Места себе не находил. Осунулся. Лишился доброго аппетита.

— Да мы вам, ваше сиятельство, — успокаивали его армейские интенданты, — новую шинель сошьём. Лучшую.

— Нет, нет, — отвечал Суворов. — Не видать мне подобной шинели. Нет ей цены. Нет ей замены.

О пропаже суворовской шинели узнали и солдаты Фанагорийского полка. Договорились они во что бы то ни стало вернуть от турок фельдмаршальскую шинель.

Во главе с поручиком Троицким и капралом Иваном Книгой солдаты пошли в разведку. Но неудачно: шинели не нашли. Зато взяли в плен турка. Стали допытывать, но тот про шинель ничего не знал.

На следующий день снова ходили в разведку,

сно́ва взяли ту́рка, но и э́тот ту́рок но́вого ниче́го не сказа́л.

Две неде́ли солда́ты упо́рно ходи́ли в развѣд-ку. Излови́ли за э́то вре́мя шесть турецких солда́т, и лишь седьмо́й оказа́лся из тех, что принима́ли уча́стие в наско́ке на ру́сский обо́з.

Пле́нник до́лго не мог вспо́мнить, была́ ли шине́ль и что с ней ста́ло. Наконе́ц вспо́мнил, что до-ста́лась она́ при дележе́ захваченного иму́щества ста́рому ту́рку, по и́мени Осма́н.

— А где он? Жив тот Осма́н? — заволнова́лись солда́ты.

Осма́н оказа́лся жив. То́лько вот зада́ча — пойдѣ́ излови́ Осма́на.

Тогда́ пору́чик Трои́цкий реши́л отпу́стить пле́нного ту́рка и наказа́л: е́сли тот принесѣ́т суворо́вскую шине́ль, то и оста́льные шесть бу́дут отпу́щены.

На сле́дующий день ту́рок верну́лся, принёс шине́ль.

Узна́л Суворов, как попала́ к ру́сским шине́ль, стра́шно разгне́вался.

— Людью́ рискова́ть! Из-за шинелишки солда́тские го́ловы под турецкие пу́ли! — крича́л он на пору́чика Трои́цкого.

Смутѣ́лся пору́чик.

— Так онѣ́, ва́ше сия́тельство, са́ми.

— «Са́ми!» — пробурча́л Суворов, одна́ко уже́ не так стро́го.

Пото́м взял шине́ль в ру́ки, гляну́л на потѣ́ртые по́лы, на зала́танный борт и вдруг запла́кал.

— Чего́ э́то наш фельдма́ршал? — спра́шивали не зна́вшие, в чём де́ло, солда́ты.

— Шине́ль,— отвеча́л Ива́н Кни́га.

— Ну так что?

— Родительская, — с нежностью пояснял капрал.

ЗАМАНИВАЙ!

Войска Суворова сражались в Италии. На реке Трэббии разгорелась кровопролитная битва с французами. Суворов внимательно следил за ходом сражения. Сидел верхом на казацкой лошади, без мундира, в белой рубашке, со шпагой в руке. В самый разгар битвы, один из русских полков не выдержал напора французов. Солдаты дрогнули, отступили, побежали. Вместе со всеми бежал и молодой солдат Ермолай Шокин.

«Ну, погибель пришла!» — думал солдат и шептал про себя молитву.

Заметив замешательство русских, Суворов бросился к отступающему полку. Подлетел на разгоряченном коне, закричал:

— Заманивай! Шибче! Так, правильно! Заманивай! Бегом!

Бежит Шокин, думает: «Как же понять? Какое же здесь заманивание, раз полк отступает?»

А Суворов опять:

— Шибче! Шибче! Заманивай!

Пробежали метров двести. Вдруг Суворов осадил коня. Привстал на стременах. Взмахнул над головой шпагой.

— Стой! — закричал. — Хватит!

Беглецы остановились. Остановился и Ермолай.

— Чудо-богатыри!.. Дети!.. Назад!.. — закричал фельдмаршал. — В штыки!.. Ура!.. С нами бог! Вперёд!..

Повернулись солдаты лицом к неприятелю. Ударили в штыки.

— Вперёд! — не умолкает Суворов. — Богатыри! Неприятель от вас дрожит! — И первым летит на французов.

Смяли, разбили солдаты противника.

Бежал Шокин, бился штыком, думал: «Ой ловко, ой как ловко Суворов всё дело повернул! И виду про отступление не подал. И не ругал».

И другие солдаты про то же думают. Бьются, не жалея себя, искупают минутную трусость.

А Суворов уже был далеко от этих мест, ястребом сидел на коне и снова зорко следил, всё ли везде в порядке.

Три дня длилась битва на реке Трэббии. Победа была суворовской — полной.

МОСТЫ

Французская армия отходила без боя. Выбирали французские генералы удобное для себя место — такое, чтобы наверняка разгромить Суворова. Отступили они к реке Адде. Перешли на ту сторону. Сожгли за собою мосты. «Вот тут, — решили, — при переправе, мы и уничтожим Суворова».

А для того чтобы Суворов их план не понял, сделали французские генералы вид, что отходят дальше. Весь день отступали в сторону от реки, а затем вернулись назад и спрятали своих солдат в кустах и оврагах.

Вышел Суворов к реке. Остановился. Приказал наводить мосты. Засучили солдаты рукава. Топоры в руки. Закипела работа. Моста два, один недалеко от другого. Соревнуются солдаты

мэжду собой. На каждом мосту норвят упрáвиться пёрвыми.

Наблюдáют французские дозорные за рекой. Чэрез кáждый час доносят своим генерáлам, как у русских идёт рабóта.

Довóльны французские генерáлы. Всё идёт тóчно по плáну. Потирают от радóсти рúки. Ну, попался Суворов!

Хитрыми бýли французы. Однáко Суворов оказалeя хитрее.

Когда мосты бýли почти гóтoвы, снял он вдруг среди нóчи свою áрмию и двíнул вниз по бéрегу Адды.

— А мосты, вáше сиятельство? — забеспокоились сапёрные офицеры.

— Молчóк, — приложíл пáлец к губáм Суворов. — Мосты стрóить. Шíбче стучáть топорами.

Стучáт топоры над рекой, а фельдмáршал тем врéменем отвёл свою áрмию вниз по её течéнию и перепрáвил вброд, без всяких мостóв на вражеский бéрег.

Спокойны французские генерáлы. Знáют: мосты не гóтoвы. Успокаивает французов топóрный стук над рекой. Не волнóются генерáлы.

И вдруг... Со спины, с тыла, явилeя Суворов. Удáрил в штыкí.

— Урá! Чúдо-богатырí, за мной!..

Пóняли генерáлы, в чём дéло, да пóздно. Не ожидали русских французы. Дрóгнули и побежáли. Тóлько офицеров одних бóлее двухсот попáло в рúки к Суворову.

Мосты всё же дострóили. Как же быть без мостóв, раз в áрмии не тóлько чúдо-солдáты, но и обóзы и артиллéрия.

ВПЕРЕДИ И ПОЗАДИ

В ночь перед штурмом Турина Суворов в сопровождении двух офицеров, майора Пронина и капитана Забелина, выехал на разведку. Хотел фельдмаршал сам осмотреть подступы к городу, а офицерам наказал взять бумагу и срисовывать план местности.

Ночь тихая, светлая, луна и звезды. Места красивые: мелкие перелески, высокие тополя.

Едет Суворов, любитесь.

Подъехали они почти к самому городу, остановились на бугорочке.

Слезли офицеры с коней. Взяли в руки бумагу. Майор Пронин — смельчак — все поближе к городу ходит. А капитан Забелин наоборот — за спиной у Суворова.

Прошло минут двадцать, и вдруг началась страшная канонада. То ли французы заметили русских, то ли просто решили обстрелять дорогу, только ложатся неприятельские ядра у самого бугорочка, рядом с Суворовым, вздымают землю вокруг фельдмаршала.

Сидит Суворов на коне, не движется. Смотрит — и майор Пронин не испугался, ходит под ядрами, перерисовывает план местности. А Забелина нет. Исчез куда-то Забелин.

Услышали в русских войсках страшную канонаду, забеспокоились о Суворове. Примчался казачий разъезд к Турину.

— Ваше сиятельство, — кричит казачий сотник, — отъезжайте, отъезжайте! Место опасное!

— Нет, сотник, — отвечает Суворов, — место прекрасное. Гляди, — показал на высокие тополя, — лучшего места не надо. Завтра отсюда начнем атаку.

Кончилась канонада. Собрался Суворов ехать назад. Крикнул Пронина. Крикнул Забелина.

Подожёл Пронин — бумажный лист весь исписан: где какие овражки, где бугорочки — всё как надо указано. А Забелина нет. Стали искать капитана. Нашли метрах в двухстах за Суворовым. Лежит Забелин с оторванной неприятельским ядром головой, рядом чистый лист бумаги валяется.

Взглянул Суворов на Пронина, взглянул на Забелина, произнёс:

— Храбрый всегда вперёд, трусишку и позади убивают.

«Я САМ ПРИНЕСУ СВОЮ ГОЛОВУ»

В русском лагере солдаты поймали француза. Поначалу француз молчал. Говорил лишь «пардон, пардон»¹ и больше ни слова.

Потом, когда солдаты на него поднажали, пленник разговорился. Сознался, что проник в русский лагерь затем, чтобы убить Суворова.

— Убить?!

— Ишь ты, стервец!

— Вешай его! — зашумели солдаты.

Однако подоспел дежурный по лагерю и вовремя остановил самосуд.

Стали выяснять. Оказалось, что французы оценили голову Суворова в два миллиона ливров. Вот и соблазнился французский солдат. Решил подкараулить, убить Суворова и доставить своим генералам голову русского фельдмаршала.

Доложили Суворову.

¹ П а р д о н — извините, простите.

— Помілуй бог, два миллиона лівров! — воскликнул Суворов. — Так дорого!

Слух о французском солдате прошёл по всему русскому лагерю. Теперь не только солдаты, но и офицеры и генералы стали требовать казни лазутчика.

Однако фельдмаршал, к общему удивлению, пленника отпустил.

— Ступай, — произнёс, — доложи своим генералам — пусть ждут. Я сам принесу к ним свою голову.

Суворов сдержал «обещание». Через несколько дней при городе Нови русские войска разбили французов. Бросив знамена, обозы и всю артиллерию, французская армия позорно бежала. Командующий французской армией генерал Жубер был убит.

— Надули меня французишки, — «сокрушался» Суворов. — Зря ходил. Не захотели платить. Поразбежались!

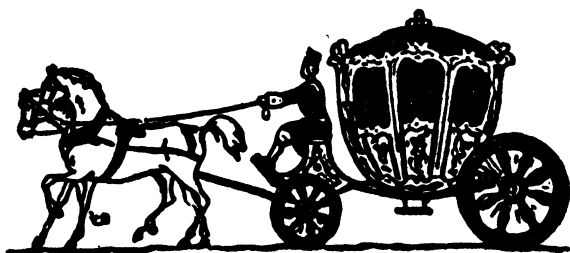
ГОВОРУН

Генерал князь Пирятин-Тамбовский во всех походах таскал за собой золочёную резную карету.

Генералом Пирятин был неважным. Зато говоруном оказался страшным. Раз уж завёл разговор — не отцепится. Собеседник уже и так и сяк, уже и шляпа в руках, и сам стоит у порога, а Пирятин:

— Минуточку, минуточку. Я вам ещё одну историю расскажу.

Старшие и равные по чину стали избегать Пирятина. Тогда генерал принялся за подчинённых. Вызывает к себе офицеров и начинает

рассказывать им всяческие истории. Вначале офицерам это нравилось. А потом, когда генерал рассказал все истории и раз, и второй, и третий, то им опротивело. А так как начальству перечить было нельзя, офицеры придумали очередность. В понедельник ходил майор Краснощёкин, во вторник — поручик Куклин, в среду — капитан Рябов, и так до конца недели. Называлось это у офицеров несением «разговорной» службы. Ходили, слушали и проклинали Пирятина...

С кем только не беседовал за свою долгую жизнь генерал, а вот с Суворовым не приходилось. А поговорить с фельдмаршалом очень хотелось. И вот случай представился князю.

Один из неприятельских городов сдался русским без боя. Порядок в подобных случаях был таков, что победитель должен был в город въезжать в карете.

— Зачем мне карета? — заупрямился было Суворов. — Донской конь — лучшей не сыскать для меня кареты.

Однако генералы пристали, заговорили о престиже русской армии, о вековых порядках. Суворов поспорил и сдался.

Стали искать карету и вспомнили про князя Пирятина.

«Вот повезло! — обрадовался князь. — Вот уж наговорюсь, вот уж натешусь».

Целую ночь генерал не спал, вспоминал разные истории, всё готовился к встрече с Суворовым.

А Суворов страшно не любил болтунов. Слышал он про Пирятина, понял, что заговорит его генерал по дороге. Тогда Суворов по поводу кареты и её хозяина отдал такой приказ:

«У генерала князя Пирятина-Тамбовского позлащённую его карету взять. Хозяину сидеть насупротив, смотреть вправо и молчать, ибо Суворов будет в размышлении».

Прочитал Пирятин приказ и сразу настроение у князя испортилось. Однако приказ есть приказ, надобно повиноваться.

Сидит Пирятин в карете, держит голову, согласно приказу, повернутой вправо, молчит. Молчит, а самого так и распирает. Уже больно хочется ему заговорить с Суворовым. Просидел генерал молча минут десять и всё же не вытерпел:

— Александр Васильевич, вот я вам одну историю расскажу...

Однако Суворов гневно глянул на генерала, и тот приумолк. Просидел Пирятин ещё минут десять спокойно и чувствует, что больше не может. Не в силах болтун сдержаться.

— Александр Васильевич, вот я вам...

Несколько раз Пирятин пытался заговорить с Суворовым. Кончилось тем, что испортил он Суворову торжественный въезд в город и вконец разозлил фельдмаршала.

«Вот уж болтун! Ну и болтун! — ужаснулся Суворов. — Упаси, господа, русскую армию от таких генералов».

В тот же вечер Суворов отдал приказ отчислить князя Пирятина вместе с его каретой из армии.

— И чего это он? — удивлялся Пирятин-Тамбовский.— Карету для него не пожалел. Самые лучшие истории рассказать собирался. Не оценил. Не понял добра фельдмаршал.

«КАК ДЕЛА У ВАС В ПАРИЖЕ?»

Поручик Козодубов во всем подражал французам. Манеры французские. Говорил по-французски. Книжки читал французски.

Особенно поручик любил болтать о Париже: и во что там народ одевается, и что ест, и что пьет, и как время проводит. И всё-то ему у французов нравится. И всё-то ему у русских нехорошо. И хотя сам Козодубов во Франции и Париже ни разу не был, да получалось из его слов, что чуть ли он не рожден в Париже, что вовсе и не русский он, а француз.

Прожужжал поручик своим товарищам о французах и о Париже все уши.

Вот как-то встретил Суворов Козодубова, взглянул, спрашивает:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так матушка у меня в Питере и батюшка в Питере,— ответил удивленный поручик.

— Ах, прости, прости! — извинился Суворов.— Я-то думал, ты из французских.

Ничего не понял поручик. По-прежнему нахваливает всё французское, а русских ругает.

Прошло несколько дней. Встретил снова Суворов поручика, опять с вопросом:

— Как делá у вас в Парíже? Что мáтушка и бáтюшка пíшут?

— Так, вáше сиятельство, я ужé говорíл, мáтушка у меня в Пíтере и бáтюшка в Пíтере. А рождён я во Псковской губёрнии.

— Ах, прости́, прости́ старика́, запáмятовáл.

Не мóжет понять порúчик, в чём дéло. Стал он жáловаться товáрищам на Суворова: мол, стар фельдмáршал, мол, пáмять ужé никуда́ и рéчи порóй непоня́тные, стрáнные.

Видит Суворов, что порúчик и тепёрь ничегó не пóнял. Происходи́ло э́то как раз во вре́мя войны́ с францу́зами. Наступи́л перерыв в боях. Предложи́ли францу́зы обменя́ться плéнными офице́рами. Суворов согласи́лся. Состави́ли штабные́ офице́ры спи́ски. Показáли фельдмáршалу.

Просмотрéл Суворов.

— Тут не все,— говори́т.

— Все, вáше сиятельство,— докла́дывают офице́ры.

— Нет, не все,— повторя́ет фельдмáршал.— Тут ещё оди́н францу́зиска не ука́зан...

Рассмея́лись офице́ры. Пóняли шу́тку фельдмáршала. Рассказáли порúчику. Броси́лся тот со всех ног к Суворову.

— Вáше сиятельство! — кричи́т.— Вáше сиятельство, оши́бка! Ру́сский я! Ру́сский! Я же вам говори́л.

— Нет оши́бки,— отвеча́ет фельдмáршал.— Не ру́сский ты.

— Ру́сский,— утвержда́ет порúчик.— Ру́сский. И мáтушка у меня́ ру́сская и бáтюшка ру́сский. И фами́лия у меня́ Козодубов. И во Пскове́ рождён.

— Máло что во Пскове́ рождён. Máло что

мáтушка да бáтюшка рúсские,— говорит Суворов.— Да ты-то не рúссий. Душá у тебя не рúсская.

Дошлó наконец до неумной головы, в чём дело. Упáл он на колéни, прóсит простítь.

Подумал Суворов, сказáл:

— Лáдно, так уж и быть,— оставáйся. Тóлько ступáй с моих глаз долóй. Идí дúмай. Гордíсь, дура́к, что ты россиянин!

ВСЮДУ ИЗВÉСТНЫ

Всю свою солдатскую жизнь Прóшка провёл в денщикáх у Суворова.

Любíл похвáстать Прóшка б́лизостью к великому полковóдцу. Начинáл так: «Когдá мы с фельдмáршалом бивáли тýрок...» Или: «Когдá мы бивáли прúсских...»

— Ну, а ты здесь при чём? — смеялись солдáты.

— Как — при чём! — обижа́лся Прóшка.— Как же без меня? Да е́сли бы не я...

И Прóшка не врал. Составляя плáны сражéний, Суворов любíл «посоветоваться» со своим денщикóм.

— А как ты дúмаешь, Прóшка,— спрашивал Суворов,— не заслáть ли нам драгúн¹ в тыл к неприятелю?

— Заслáть, заслáть, непременно заслáть,— соглаша́лся Прóшка.

— А как ты дúмаешь, не напра́вить ли нам генерáлу такóму-то сíкурс².

¹ Драгúны — кавалерíсты в царской áрмии.

² Сíкурс — пóмощь.

— А как же — напáвить, непременно на-
пáвить, — одобрял Прóшка.

Не раз Прóшка спасáл Суворова от вёрной
гíбели. Неосторожен, отчаян фельдмáршал. За
ним нýжен глаз да глаз. Неотстýпен Прóшка —
слóвно тень за Суворовым. Поскользнулся
фельдмáршал на парóме, удáрился головóй о
бревнó, кáмнем пошёл ко дну — Прóшка не
мёшкая брóсился в вóду. Убíло под Суворовым
в разгáр бóя лóшадь, и снóва Прóшка тут как
тут — подвóдит нóвого рысакá.

А скóлько раз выхáживал Прóшка Суворова
пóсле ранений! Однажды ранение бýло осóбенно
тяжёлым. Пýля прошлá сквозь шéю фельдмáр-
шала и останóвилась в затылке. Пýлю вýрезали.
Однако рáна воспалилась.

Суворов с трудóм дышáл и чáсто терял со-
знáние. Больнóму трéбовался пóлный покóй,
Суворов же метáлся, порывáлся всё время
встать.

Ни докторá, ни генерáлы не могли успо-
кóить Суворова.

И снóва нашёлся Прóшка.

— Не вéлено, не вéлено! — покрíкивал он на
больнóго.

— Кем не вéлено! — возмущáлся Суворов.

— Фельдмáршалом Суворовым, — отвечáл
Прóшка.

— О, фельдмáршала нáдобно слúшаться.
Помíлуй бог, нáдобно слúшаться, — говорíл
Суворов и утихáл.

Во время войны с францúзами сардинский
корóль неожíданно прислáл Прóшке медáль.
При этóм бýло ука́зано, что Прóшка награж-
дáется «за сбережение здорóвья великого
полковóдца».

Медалью Проща страшно гордился и, когда с кем-нибудь заводил разговор, обязательно упоминал: «Даже заграничками моя особа отмечена. Мы с фельдмаршалом Александром Васильевичем всюду известны».

СЛАВА

Генерал князь Барохвостов завидовал суворовской славе. Вот однажды он и спрашивает у одного из солдат:

— Скажи мне, братец, почему Суворова в армии любят?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что Суворов солдатскую пищу ест.

Стал Барохвостов есть так же, как и Суворов, щи и солдатскую кашу. Кривится, но ест. Хочется, видеть, генералу суворовской славы.

Прошло несколько дней, но славы у Барохвостова не прибавилось. Он опять спрашивает у солдата:

— Что же это слава у меня не растёт?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что Суворов не только ест щи и кашу, но и спит по-солдатски.

Стал и Барохвостов спать по-солдатски — на жёстком сене в простой палатке. Натирает генерал изнеженные бока, мёрзнет от холода, но терпит. Уж больно ему хочется суворовской славы.

Прошло ещё несколько дней, а генеральская слава всё не растёт. И снова он вызвал солдата:

— Говори, какой ещё секрет у Суворова?

— А тот, — отвечает солдат, — что фельдмаршал войска уважает.

Принялся и князь Барохвостов уважать своих подчинённых, ласковые слова говорить солдатам.

Но и теперь генеральской славы не прибавляется. Смотрят на него солдаты, промеж себя усмеваются. Всёго-то и только.

Стал злиться тогда генерал. Снова кликнул солдата-советчика.

— Как же так, — возмущается Барохвостов. — Ши и кашу ем, сплю на солёме, ласковые слова говорю солдатам — почему же слава ко мне не идёт?!

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что и это ещё не всё.

— Что же ещё? Какие ещё такие секреты у Суворова!

— А те, — отвечает солдат, — что Суворов умеет бить неприятеля по-суворовски. Славу великую родине добыть умеет.

Тогда и Барохвостов решил бить неприятеля и добывать родине великую славу. Только как-то с этим у Барохвостова не получалось.

Поэтому и не пришла к нему слава, поэтому и помер он в неизвестности.

А слава о Суворове осталась в веках. И каждый Суворова знает.

Глава II.

ПРИВЫКАЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕУТОМИМОЙ

«Трудно в учёнье, легко в бою»,— говорил Суворов. Великий полководец даже написал специальную книгу о том, как обучать солдат военному делу. «Наука побеждать» — так называется эта книга.

«Бей не числом, а умением,— не раз повторял Суворов.— За учёного трёх неучёных дают».

Суворов любил и умел ценить русских солдат. «Мне солдат дороже себя», «Мы русские... Мы всё одолеем»,— с гордостью заявлял полководец.

Рассказы, вошедшие во вторую главу этой книги, познакомят тебя с тем, как Суворов воспитывал солдат и офицеров, как он готовил русскую армию к новым боям и походам. В этой же главе ты прочитаешь о жизни Суворова-помещика, а также узнаешь о том, как и за что фельдмаршал был отстранён из армии и отправлен в ссылку в село Кончанское.

ПРОШКА

Когда Прóшка попал в денщик к Суворову, солдат немало обрадовался. «Повезло! — подумал. — Не надо будет рано вставать. Никаких рóтных занятий, никакого режима. Благодать!»

Однако в первый же день Прóшку постигло великое разочарование. В четыре часа утра кто-то затряс солдата за ногу.

Приоткрыл Прóшка глаза, смотрит — Суворов.

— Вставай, добрый молодец, — говорит Суворов. — Долгий сон не товарищ богатырю русскому.

Оказывается, Суворов раньше всех подымался в армии.

Поднялся Прóшка, а тут и ещё одна неприятность. Приказал фельдмаршал притащить ведро холодной воды и стал обливаться.

Натираёт Суворов себе и шею, и грудь, и спину, и руки. Смотрит Прощка выпучив глаза — вот так Чудо!

— Ну, а ты что? — закричал Суворов. И приказал Прощке тоже облиться.

Ежится солдат с непривычки, вскрикивает от холода. А Суворов смеётся.

— В здоровом теле дух, — говорит, — здоровый. — И снова смеётся.

После обливания вывел Суворов Прощку на луг. Побежал фельдмаршал.

— Догоняй! — закричал солдату.

Полчаса вслед за Суворовым Прощка бегал. Солдат запыхался, в бок закололо. Зато Суворов хоть и стар, а словно с места не двигался. Стоит и снова смеётся.

И началась у Прощки не жизнь, а страдание. То устроит Суворов осмотр оборонительным постам — и Прощка целые сутки в седле трясётся, то учинит проверку ночным караулам — и Прощке снова не спать. А тут ко всему принялся Суворов изучать турецкий язык и Прощку заставлял.

— Да зачем мне бусурманская речь? — запротестовал было солдат.

— Как — зачем! — обозлился Суворов. — Турки войну готовят. С турками воевать.

Пришлось Прощке смириться. Засел он за турецкий букварь, потёл, бедняга, до пятого пята.

Мечтал Прощка о тихом месте — не получилось. Хотел было назад попроситься в роту. Потом привык, привязался к фельдмаршалу и до конца своих дней честью и верой служил Суворову.

«ПАХУЧКА»

Из Петербурга на службу к Суворову прибыл молодой офицер. Князь Мещерский. Одёт офицер по последней моде: щегольской мундир, башмаки лаковые, шелковые чулки до самых колён. Напомажен, надушен, напудрен.

Явился поручик к фельдмаршалу на доклад, словно не в штабную избу, а на званный обед во дворец пожаловал.

Втянул в себя Суворов непривычный запах.

— Помилуй бог! — воскликнул. — Пахучка!

— Что? — не понял Мещерский.

— Духи, говорю, — произнёс Суворов, — пахучие.

— Французские, — похвастал поручик.

Смотрит Суворов на приехавшего и опять «восхищается»:

— А наряд-то, наряд-то какой! Чудо-наряд! И, должно быть, немало плачено.

— Полтысячи золотых, — с гордостью ответил Мещерский.

— Помилуй бог! Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — А не прокатится ли нам, милый, верхом? — вдруг предложил поручику.

Обрадовался молодой офицер. Сели они верхом на казацких коней. Тронулись. Сидит Мещерский на коне — собою любуется: вот он, мол, какой — и молодой, и красивый, и рядом с Суворовым едет.

Целый день таскал Суворов за собой новичка по разным местам.

Выбирал дорогу неезженую. Гнал лошадей через грязь и болота, через

овраги и перелёски. Дважды пускал вброд через реки.

Едет Суворов и всё приговаривает:

— Подумать только, полтысячи золотых!

Только Мещёрский уже понял, в чём дело. Больше не хвастает. С грустью смотрит на шегольской наряд, понимает — ни за что ни про что пропадает наряд.

Обтрепал за долгую дорогу офицер дорогой мундир, изодрал шелковые чулки, испортил лаковые башмаки, о жесткое казачье седло до крови натер себе ноги.

Вернулся щеголь в штаб-квартиру суворовских войск, слез с коня — едва на ногах держится. Едва держится, но виду не подаёт. Терпит.

«Терпит. Всю дорогу молчал. Толк будет», — подумал Суворов.

И не ошибся.

Вскоре с поручика сошёл питерский лоск. Стал «пахучка» исправным офицером и отличился во многих походах.

НАСТОЯЩИЙ СОЛДАТ

Подожёл как-то Суворов к солдату и сразу в упор:

— Сколько от Земли до Мёсяца?

— Два суворовских перехода! — гаркнул солдат.

Фельдмáршал аж крякнул от не-
ожиданности. Вот так отвёт! Вот так
солдáт!

Любил Суворов, когда солдаты
отвечали находчиво, без запинки.
Приметил он молодца. Понравился
фельдмáршалу солдатский отвёт,
однако и за себя стало обидно. «Ну,—
думает,— не может быть, чтобы я,
Суворов, и вдруг не поставил солдата
в тупик».

Встретил он через несколько дней находчи-
вого солдата и снова в упор:

— Сколько звёзд на небе?

— Сейчас, ваше сиятельство,— отвётил сол-
дат,— сочтú,— и устоялся в небо.

Ждал, ждал Суворов, продрог на ветру, а
солдат не торопясь звёзды считает. Сплюнул
Суворов с досады. Ушёл. «Вот так солдат! —
снова подумал.— Ну, уж на третий раз,— решил
фельдмáршал,— я своего добьюсь: поставлю в
тупик солдата».

Встретил солдата он в третий раз и снова с
вопросом:

— Ну-ка, молодец, а скажи-ка мне, как звали
мою прародительницу?

Доволен Суворов вопросом: откуда же знать
простому солдату, как звали фельдмáршальскую
бабку? Потёр Суворов от удовольствия руки и
только хотел сказать: «Ну, братец, попался!» —
как вдруг солдат вытянулся во фронт¹ и гáркнул:

— Викториа², ваше сиятельство.

— Вот и не Викториа! — обрадовался Су-
воров.

¹ Во фронт — то есть стал по стойке «смирно».

² Викториа — победа.

— Викторія, Викторія,— повторил солдат.— Как же так может быть, чтобы у нашего фельдмаршала и вдруг в прародительницах была не Викторія.

Опéшил Суворов. Ну и ответ! Ну и хитрый солдат попался!

— Ну, раз ты такой хитрый,— произнёс Суворов,— скажи мне, какая разница между твоим ротным командиром и мной?

— А та,— не раздумывая ответил солдат,— что ротный командир хотя бы и желал произвести меня в сержанты, да не может, а вашему сиятельству стоит только захотеть, и я...

Что было делать Суворову? Пришлось ему произвести солдата в сержанты.

Возвращался Суворов в свою палатку и всё восхищался:

— Помилуй бог, как провёл! Вот это да! Вот это солдат! Помилуй бог, настоящий солдат! Российский!

САПОГИ

В чине генерал-аншефа¹ Суворов был направлен на финляндскую границу. Поручили Суворову следить за переустройством и вооружением тамошних крепостей.

Граница была большой. Крепостей много. Одному трудно.

На самом отдалённом участке Суворов поручил наблюдение за работами какому-то полковнику. Тот, присмотрев день-второй, поручил это своему помощнику — майору.

¹ Генерал-аншеф — чин, предшествующий званию фельдмаршала.

А майёр в свою очередь — молодому поручику.

Через какое-то время Суворов вспомнил про отдалённую крепость. Приехал. Посмотрел — работы стоят на месте.

Разозлился Суворов, вызвал полковника.

— Что же это! — закричал. — Почему работы не движутся?

Испугался полковник ответственности и свалил всё на майора: мол, майор во всём виноват.

Суворов вызвал майора:

— Поручал вам полковник?

— Поручал. Так я же отдал приказ поручику.

Вызвал Суворов поручика:

— Получали приказ?

— Так точно, — ответил поручик. — Получал. Да не думал, что к спеху.

— Да, — произнёс Суворов, — вижу, виновных нет. — И приказал принести прут.

Испугались виновные офицеры — ну как ударит!

А Суворов схватил прут и давай хлестать свой сапог. Хлещет и приговаривает:

— Не ленитесь. Не ленитесь. Это вы во всём виноваты. Если бы вы сами ходили по всем работам, этого бы не случилось.

Потом отбросил прут в сторону, сел на коня и уехал.

Перекрестились офицеры — беда миновала. Собрали солдат. Засучили рукава. Топоры в руки. За дело.

Помогли сапоги. Раньше других была отстроена отдалённая крепость.

МОНАСТЫ́РСКИЕ СТЕ́НЫ

Однажды сержант Кутейкин проводил солдатские учения около монастыря. Глянул сержант на высокие монастырские стены, что-то прикинул в уме и вдруг закричал:

— На штурм!

Солдаты опешили.

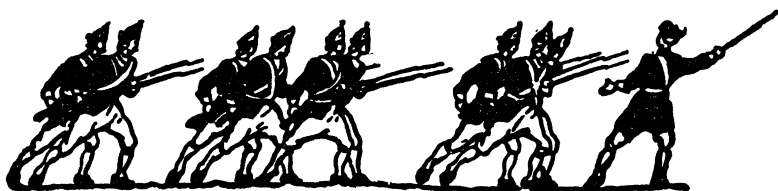
— На штурм! — повторил сержант.

Солдаты закричали «ура» и ловко ползли на стены.

Перепугались монахи. Не поняли, в чём дело. Забились в тёмные кельи. Сидят. Дрожат.

Кончил сержант учения, похвалил солдат за проворство, построил, повёл в казармы.

На следующий день сержант повторил учения. А вслед за сержантом потянулись и офицеры: капитан Кашкин, майор Мышкин да и другие. И превратился монастырь в учебную крепость. С утра до вечера штурмуют его солдаты. Прошло несколько дней. Монахи попривыкли к учениям, перестали бояться. Жизнь в монастыре скучная-прескучная. Даже интересно стало монахам. Стоят, смотрят. Ругается настоятель, разгоняет «святых отцов» по кельям. Только возвращаться в кельи монахам не хочется. Видать, понравилась солдатская удаль: самые молодые монахи и сами стали лазить на монастырские стены. И получился не монастырь, а черт знает что.

Разгнёвался настоятель, явился с жалобой на солдат к Суворову.

— Ай, ай! — воскликнул Суворов. — Вот негодники! Вот я им задам, вот покажу!

Стал Суворов допытываться, кто первым придумал про монастырские стены. Доложили — Кутейкин.

Вызвал фельдмаршал сержанта. Глянул — бравый сержант. Ростом стáтен, лицом краси́в и глаза́ хитрые-прехитрые.

— Ты что же, — говорит Суворов, — «святых отцов» обижаешь?!

— Никак нет, — отвечает сержант. — Не обижаю. — А сам наклонился к Суворову и шепчет: — Так ведь польза от стен превеликая. Тут — что на войнэ: лучше учения и не придумаешь.

Вернулся настоятель к себе в монастырь. «Ну, думает, — всё дело уладил». А утром глянул — и не верит своим глазам: со всех сторон подходят к монастырю войска. Идут солдаты стройными колоннами, с барабанным боем, с песнями, тащат штурмовые лестницы, разворачивают пушки. Перед войсками верхом на коне

Сувóров. Выхватил шпагу, вскинул над головой, указал на монастырские стѣны:

— Чудо-богатыри, ура! Вперёд! Во славу отечества!

Пóнял настоятель, что напрáсно ходил к Суворóву. Написал в Пётр. Тóлько пока жалоба ходила по разным рукам, Суворóв со своими войсками ушёл на войну.

Крѣпко бил Суворóв протівника. Лóвко солдаты брали стѣны вражеских крепостѣй. Прав оказался Кутѣйкин. Спасибо ему за монастырские стѣны.

ПО-СУВÓРОВСКИ

В поле недалекó от казарм капрал Казáнского пехóтного полка вѣл занятия со своими солдатами по-суворовски.

— Чем важны учения? — обратился капрал к солдатам.

— Ученье свет, а неученье тьма! — хором отвечали солдаты.

— Так. Правильно. А чем ценен солдат учёный?

— За учёного трёх неучёных дадут.

— Правильно. А что важнейшее в войске?

— Солдат российский.

— Так, — произнёс капрал, — верно. — И перешёл к занятиям по рукопáшному бою.

Сам показáл. Потóм повторяли солдáты.

— Коlí! П ráвильно. Коlí! — выкрикивал капрáл.— Пуля дúра, штык молодéц! — выкрикивал по-суворовски он при éтом.

Начался дождь. Одрáко капрáл солдáт не распустил.

— За мной! — закричáл.— Вперёд! — И побежáл чéрез пóле, чéрез оврáг к рéчке.— Живей, живей! — подгоняет солдáт и опя́ть по-суворовски: — Голова́ хвостá не ждёт. Храбрый впередí, трусишку и назадí убивáют!

Подбежáли к рекé. Капрáл бух в вóду — и на тот бéрег. И солдáты за ним. Вылезли, смóтрят — оди́н поотста́л. Бьётся на быстри́не, тóнет.

— Назáд! — закричáл капрáл.— Сам погибáй, а товáрища выручáй! В вóду!

Быташили неумельца солдáты. Стоя́т, перево́дят дух.

— Уста́ли? — усмехну́лся капрáл.

— Уста́ли,— созна́лись солдáты, но тут же гáркнули по-суворовски: — Трудно́ в учёнье, лёгко́ в бою́!

— Молодцы́! П ráвильно! — похвали́л их дово́льный капрáл.

Слу́хи о заня́тиях солдáт в Каза́нском полку́ дошли́ до Суворова. Пора́довался фельдмаршал, что солдáты суворовскую нау́ку осваивают. Реши́л он узнать фами́лию лихóго капрáла. Написа́л письмо́ командíру полка́. Вскóре пришёл отвёт:

«Фами́лию, ва́ше сия́тельство, указáть не могу́. У нас что ни капрáл — ка́ждый ведёт заня́тия по-суворовски».

ГОСПИТАЛЬ

— Не люблю госпиталей,— говорил Суворов.— Тот их любит, кто не радует за здоровье солдата.

Принял Суворов командование над войсками, стоявшими на северной русской границе, и узнал, что в тамошних госпиталях находится сразу тысяча человек больных.

Явился Суворов в госпиталь, стал ходить по палатам. Зашёл в первую, спрашивает у солдат:

— Чем больны, чудо-богатыри?

Молчат солдаты. Сказать неудобно.

— Чем больны? — повторил Суворов.

— Животами мучаемся,— наконец произнёс какой-то солдатик.

— Позвать сюда провиантмейстера¹,— приказал Суворов.

Провиантмейстер прибыл.

— Чем солдат кормишь? — спрашивает фельдмаршал.

— Так, разным...— начинает провиантмейстер.

— Чем — разным?

— Кашей, ваше сиятельство, мясом.

— А ещё?

— Капустой.

— Так,— произнёс Суворов и приказал принести капусту.

Принесли, попробовал, а та тухлая.

Посмотрел Суворов на провиантмейстера злыми глазами, закричал:

— Под арест! На гауптвахту! На десять суток!

¹ Провиантмейстер — офицер, ведающий снабжением войск провизией.

Вошёл Суворов во вторую палату.

— Чем больны, чудо-богатыри?

Растерялись, молчат солдаты.

— Они поотмороженные, — проговорил санитар.

— Позвать сюда каптенармуса¹, — распорядился Суворов.

Каптенармус прибыл.

— Во что солдат одеваешь?

— Как положено, ваше сиятельство, — отвечает каптенармус. — В мундиры, в башмаки, в чулки.

— В чулки! — закричал Суворов. — Север. Морозы. Почему вальяных сапог не завезли? Где рукавицы?

Почувствовал каптенармус свою вину. Молчит, переминается с ноги на ногу.

— Под арест, на гауптвахту, на десять суток! — отдал приказ Суворов.

Пошёл Суворов дальше. Входит в третью палату:

— Чем больны, чудо-богатыри?

— Это раненые, — отвечает за солдат санитар.

— Какие ещё раненые? — удивился Суворов.

Войны в это время никакой не было.

— Это из батареи поручика графа Кутайсова, — объяснил санитар. — На учениях пушку разорвало, ваше сиятельство.

Кликнул Суворов поручика, отругал, что за снарядами и пушкой плохо следит, и тоже под арест, на гауптвахту, на десять суток.

Прошло около месяца. Появились у солдат и валенки и рукавицы. И в помине не осталось

¹ Каптенармус — офицер, ведающий обмундированием войск.

тúхлой капúсты. Кутáйсов и другúе офицеры стáли собственнорúчно проверять снаряды и пúшки.

Прошёлся Суворов вновь по госпиталям. Хóдит по палáтам, а палáты пустые. Вмéсто прéжней ты́сячи человек с трудóм сóрок больнóх насчитáлось.

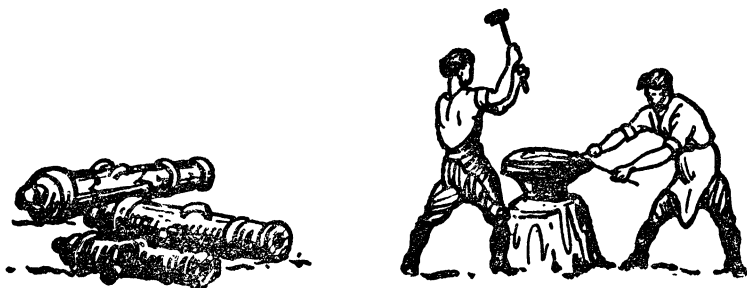
Хóдит Суворов — дово́лен. Не любил фельд-мáршал госпиталéй.

НА СЕСТРОРÉЦКОМ ЗАВО́ДЕ

Императри́ца Екате́рина Вто́рая поручи́ла Суворову обследовать Сестрорéцкий ору́жейный заво́д.

Ста́ли на заво́де гото́вить Суворову торжéственную встречу. Нача́льник заво́да вы́ехал на Пе́тербу́ргский тракт, что́бы за́рание встретити́ фельдмáршала.

А Суворов в э́то вре́мя в про-стой солдатской кúртке на тара-тайке кру́жным пу́тём по б́итой просёлочной доро́ге при́ехал на заво́д и прýжно в ору́жейные ма-стерские.

Ходит Суворов по мастерским,
смотрит по сторонам.

Осмотрел карабины — хорошие
карабины.

Осмотрел штыки — хорошие,
острые штыки.

Поглядывает на Суворова ма-
стер Иван Хомяков. «И чего это, —
думает, — солдат здесь крутится?»

— Эй, служивый, чего ты здесь?

— Да так себе. Так себе. Ничего, — ответил
Суворов. — Кто мастер?

— Ну, я мастер.

— Как звать?

— Иван Хомяков.

«И чего ещё привязался!» — думает мастер.

— Ступай, — говорит, — служивый, своей до-
рогой. Тут фельдмаршала ждут. Увидят тебя —
попадёт.

Суворов ушёл.

Не встретил начальник завода высокого гостя,
вернулся назад. Хомяков ему и рассказал
о неизвестном солдате.

— Какой солдат?

— Да такой старенький.

— Старенький?! А росту какого?

— Небольшого, выходит, росту. Поменьше,
чем среднего.

— Худошав?

— Худошав.

— Сед?

— Сед.

— Волосы хохолком вперёд?

— Хохолком.

— Глаза голубые?

— Голубые.

— Так это ж Суворов! — закричал начальник завода.

Иван Хомяков так и присел. Бросились искать «солдата», а его и след простыл: ни таратойки, ни лошадей.

Перепугался начальник завода. Хомякова ругает, стражу поносит. Да и мастер струхнул — выходит, сам же Суворова с завода выпроводил. Волнуются они, ждут наказаний.

Через неделю из Питера прибыл пакет. Пакет от самой государыни. Держит его начальник в руках, вскрыть не решается — отставка, думает. Вскрыл. Развернул бумагу, одним глазом искоса смотрит, руки дрожат, сердце стучится. Читает. Читает и не верит своим глазам: в бумаге добрые слова про сестрорезские штыки и карабины, монаршее благословение начальнику и приказ о выдаче Ивану Хомякову и другим мастерам по сто рублей серебром за искусство в работе.

РТИЩЕВ-УМИЩЕВ

Многие проступки мог простить Суворов своим солдатам и офицерам, а вот ответа «не могу знать» не прощал.

«Не терплю «немогузнаек», — говорил Суворов. — От них лишь позор армии».

И вот как-то Суворов приехал в свой любимый Фанагорийский полк, решил устроить офицерам экзамены.

Расселись офицеры рядком на лавках. Напротив — командир полка и Суворов.

— Что такое атака? — обратился фельдмаршал к майору Козлятину.

— Атака есть решительное движение войск

вперёд, имéющее целью уничтожить противника, — отчекáнил Козля́тин.

— Дёльно, дёльно, — похвали́л Суво́ров. — Правильно. А что такое супрени́ровать? — спроси́л у капита́на Прока́зина.

— Супрени́ровать, ва́ше сия́тельство, — отве́тил Прока́зин, — это значи́т напа́сть неожи́данно, засти́ть неприятеля врасплóх, разби́ть, не дава́я ему́ опóмниться.

— Дёльно. Дёльно, — сно́ва похвали́л Суво́ров.

Довóлен фельдма́ршал: зна́ющие офице́ры. И командир полка́ дово́лен. Сиди́т, улыба́ется, а сам Суво́рову всё вре́мя на молодóго поручика Рти́щева показывае́т.

— Это, — говори́т, — са́мый зна́ющий в полку́ офице́р. Умница!

Дошла́ о́чередь и до Рти́щева.

— А ну́-ка, скажи́ мне, Рти́щев, — произнёс Суво́ров, — что такое́ есть ретира́да?¹

Замя́лся поручик и вдруг...

— Не могу́ знать! — вы́палил.

Все так и а́хнули. Ну, всё де́ло испóртил. Офице́ров подвёл. Командира́ полка́ опозóрил. Рассви́репёл Суво́ров, вскочи́л с ла́вки.

— Немогузна́йку подсу́нули! — закрича́л, затóпал нога́ми.

Поверну́лся, вы́бежал из избы́ прочь, сел на коня́ и хоте́л уе́хать. Да вдруг призаду́мался. Слез с коня́, сно́ва верну́лся в избу́, сно́ва к поручи́ку:

— Так что такое́ есть ретира́да?

— Не могу́ знать, ва́ше сия́тельство. В на́-

¹ Ретира́да — отступле́ние.

шем полкú тако́е сло́во никому́ не извѣстно. Полк наш суворо́вский, полк наступа́ющий!

Глянул Суворов на Ртищева и вдруг закричал:

— Ай да полк! Ай да полк! Сла́вный полк — Фанагорй́йский. Значит, никто́ не знает?!

— Так то́чно, ва́ше сия́тельство.

— Вот уж не ду́мал, что прокля́тый немогу́знайка доста́вит мне сто́лько ра́дости! — прослезился Суворов.— Вот так Ртищев! Ай да Умищев!

ВРАГ

Секунд-майор граф Калачинский нажил себе в армии немало врагов. Невыдержанным был секунд-майор на язык. Чуть что — обязательно кого-нибудь обидит, ввяжется в спор, накричит или скажет дурное слово. Вот и невзлюбили его товарищи. Вот и появились у майора враги. Как-то пришёл Калачинский к Суворову, пожаловался на своих товарищей.

— Помилуй бог! — проговорил Суворов.— Ай-ай, как нехорошо! Враги, говоришь? Ай-ай. Ну, мы до них доберёмся.

Прошло несколько дней. Вызвал к себе Суворов секунд-майора.

— Узнал, — говорит, — я имя того главнейшего злодея, который вам много вредит.

— Капитан Пикин? — выпалил Калачинский.

— Нет.

— Полковник Лепёшкин?

— Нет.

— Поручик Вяземский?

— Нет.

Стоит Калачинский, думает, кто бы это мог быть ещё.

— Знаю! — закричал. — Знаю! Генерал-квартирмейстер князь Оболенский!

— Нет, — опять произнёс Суворов, посмотрел на Калачинского загадочным взглядом, поманил к себе пальцем.

Подошёл секунд-майор, наклонился к Суворову. А тот тайнственно, шёпотом:

— Высунь язык.

Калачинский высунул.

— Вот твой главнейший враг, — произнёс Суворов.

СТОРОНИТЬСЯ!

Суворов любил лихую езду. То ли верхом, то ли в возке, но непременно так, чтобы дух захватило, чтобы ветер хлестал в лицо.

Дело было на севере. Как-то Суворов уселся в санки и вместе с Прощкой отправился в объезд крепостей. А в это время из Петербурга примчался курьер, важные бумаги привёз Суворову. Осадил офицер разгорячённых коней у штабной избы, закричал:

— К фельдмаршалу срочно, к Суворову!

— Уехал Суворов, — объяснили курьеру.

— Куда?

— В крепость Озёрную.

Примчался офицер в Озёрную:

— Здесь Суворов?

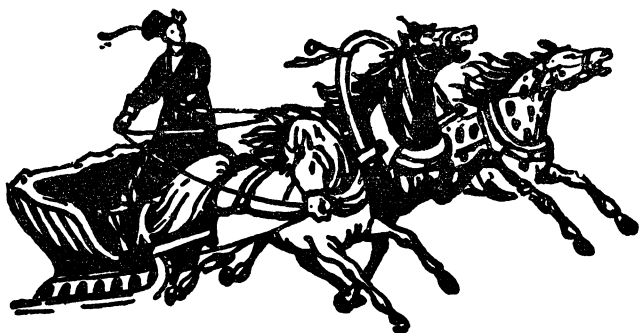
— Уехал.

— Куда?

— В крепость Ликолу.

Примчался в Ликолу:

— Здесь Суворов?

— Уехал.

— Куда?

— В Кюмень-град.

Прискакал в Кюмень-град:

— Здесь Суворов?

— Уехал...

Уехать Суворов уехал, да застрял в пути. Один из коней захромал. Пришлось повернуть назад. Двигались шагом, едва тащились. Прощка сидел на козлах, дремал. Суворов нервничал, то и дело толкал денщика в спину, требовал погонять лошадей.

— Нельзя, нельзя, ваше сиятельство, конь в неисправности, — каждый раз одно и то же отвечал Прощка.

Притихнет Суворов, переждёт и снова за Прощкину спину. Не сиделось фельдмаршалу, не хватало терпения тащиться обозной клячей.

Проехали версты две, смотрит Суворов — тройка навстречу. Кони птицей летят по полю. Снег из-под копыт ядрами. Пар из лошадиных ноздрей трубой.

Суворов аж привстал от восторга. Смотрит — вместо кучера на козлах молодой офицер, вожжи

в руках, нагайка за поясом, папаха на ухе, кудри по ветру усáми плéщут.

— Удалец! Ой, удалец! — не сдержал похвалы Суворов.

— Фельдъегерь, ваше сиятельство, — произнес Прóшка. — Видать, не здешний, из Пíтера.

Смóтрит Суворов, любитесь. Дорога зимняя узкая, в один накат. Разъехаться трудно. А кони всё ближе и ближе. Вот уже рядом. Вот уже и храп и саночный скрип у самого уха.

— Сторонись! — закричал офицер.

Прóшка замешкал: не привык уступать дороге.

— Сторонись! — повторил офицер и в ту же минуту санки о санки — бух!

Бывалились Суворов и Прóшка в снег, завязли по самый пояс. Пронёсся кучер, присвистнул, ветром помчался дальше.

Поднялся Прóшка, смóтрит обозленно фельдъегерю вслед, отряхивает снег, по-дурному ругается.

— Тíше! — прикрикнул Суворов и снова любитесь: — Удалец! Помилуй бог, какой удалец!

Три дня носился офицер по северной русской границе. Наконец разыскал Суворова.

— Бумаги из Пíтера, ваше сиятельство.

Принял Суворов бумаги, взглянул на фельдъегеря и вдруг снял со своей руки перстень и протянул офицеру.

— За что, ваше сиятельство?! — поразился курьер.

— За удасть!

Стоит офицер, понять не может. А Суворов опять:

— Берй, берй. Получай! За удасть. За русскую дýшу. За молодечество!

БАРИН

Суворов жил во времена крепостного права. Он и сам был крупным помещиком. Под Москвой, под Владимиром, Костромой, Пензой и Новгородом находились земли и имения графа Суворова.

Пятнадцать тысяч душ крепостных крестьян принадлежало фельдмаршалу.

В новгородском имении графа Александра Васильевича Суворова ждали приезда барина.

Изнемогли мужики. Замучил их своими придирками графский управляющий Балк. Вот и решили мужики дожидаться приезда Суворова, прийти к нему и всё рассказать. Прибыл Суворов. Явились крестьяне.

— Как звать? — обратился фельдмаршал к первому.

— Денис Никитин.

— Про что жалоба?

— Сечен, батюшка.

— За что сечен?

Принялся Никитин объяснять, что зимой, проходя по барскому полю, нашёл он подгнивший сноп хлеба. Подобрал его Никитин, поволок домой. Однако дорогой был встречен Балком, схвачен управляющим и выпорот.

— Правильно выпорот, — сказал Суворов, — на барское рот не разевай.

— Так сноп же подгнивший. Заваливший. Ему же всё равно пропадать.

— Не твоё дело, — прервал Суворов. — За порчу с управляющего спрос. Ступай. А что у тебя? — обратился ко второму мужику.

— Сечен, батюшка.

— За что сечен?

— Шапку не снял перед Балком, ваше сиятельство.

— Шапку снимай,— ответил Суворов.— Правильно сечен.

— Так я же не заметил. Без злого умысла, ваше сиятельство.

— Впредь замечай. Будет наука. Ну, а ты? — обратился к горбатой старухе.

— Сечена, батюшка, сечена,— зашамкала та,— недоимки у меня: три рубля двадцать копеек.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов.— Три рубля двадцать копеек! Верни. Немедля верни.

— Так где же их взять?

— Корову продай.

— Так нет же коровы.

— Займи.

— Так у кого же занять?!

— Ступай,— прекратил разговор Суворов.— Верно сечена. За недоимки управляющему наказ и впредь батогами жаловать.

Больше жалобщиков не нашлось. Расходились мужики разочарованные.

— Барин, как есть барин! — говорили они.

НЕВЕСТЫ

Приехал как-то Суворов под Владимир в Ундо́л, прошёлся по улице, повстречал группу парней:

— Женаты?

— Нет, ваше сиятельство.

— Почему не женаты?

— Так невест на селе нет.

ВЫзвал Суворов управляющего, стал кричать:

— Парни как дубы выросли. Почему не женаты?

— Невест же нет на селе.

— Купить невест,— распорядился Суворов.

Любил Суворов, чтобы крестьяне вовремя заводили семью и детей, чтобы своё хозяйство вели в исправности. Хозяйство в исправности — барину лишний доход.

На следующий день, получив двести рублей, управляющий двинулся за невестами.

— На лица не смотри,— наставлял Суворов.— Лишь бы здоровы были. Не задерживайся. Купил — и в Ундола. Отправляй на подводах. Вези осторожно, сохранно.

Через несколько дней невесты прибыли.

Суворов вызвал парней:

— Становись!

Стали по росту.

Подшёл к невестам, согнал с телег:

— Становись!

Невесты построились.

— На-пра-во!

Парни и девки повернулись, оказались теперь попарно.

— Шагом марш! Под венец. В церковь! — скомандовал Суворов и сам пошёл первым.

Тут же молодых оженили. А так как времени было мало и невесты и женихи друг друга как следует не рассмотрели, то после обручения сразу же перепутались. Где муж, где жена, разобраться не могут.

Построил тогда Суворов снова парней и девчат по росту. И сразу стало всё на своё место.

Суво́ров оста́лся дово́лен. Жени́л. До́брое де́ло сде́лал. А о том, пона́равились ли друг дру́гу женихи́ и невесты́, и не подумал. Ба́рин. И молодые́ смолча́ли: ба́рская во́ля — на́добно слу́шаться.

КОНЬКИ́

Ма́ло кто в те времена́ на конька́х ката́лся. А вот Суво́ров ката́лся.

Живя́ зи́му в Ундоле, фельдма́ршал ка́ждый день ходи́л на замёрзший пруд, проводи́л там часа́ два, а то и три сря́ду.

Пристрасти́лся ходи́ть на пруд вме́сте с Суво́ровым и мальчи́шка Фёдька Ухов. Внача́ле просто ходи́л, смотре́л. А пото́м смастери́л для себя́ коньки́ из ста́рой желе́зки. Ви́дит фельдма́ршал — шу́стрый мальчи́шка, принялся его́ обуча́ть.

— Не робей. Не робей! — наставля́ет Суво́ров.

А Фёдька во́все и не робе́ет. То́лько но́ги у него́ разъезжа́ются.

— Стой так. Держи́сь пра́мо, — объясня́ет Суво́ров. — Шаг ле́вой. Шаг пра́вой. Пошёл. Живее. Живее, дава́й!

Заторопи́тся Фёдька — бух, и на́ спину.

Смеётся Суво́ров.

Поды́мется мальчи́шка, отряхне́т снег, заку́сит губу́ и о́пять за уче́ние. Упря́мый Фёдька.

— Шаг ле́вой! Шаг пра́вой! — кома́ндует Суво́ров. — Пошёл. Живее. Живее. Дава́й!

Неде́лю му́чился Фёдька. Па́дал. Ши́шки себе́ наби́л. Одна́ко своего́ доби́лся. Де́ржится на нога́х крѣпко, хотя́ и бе́гает пока́ ти́хо.

Мчит впереди́ Суво́ров.

— Дава́й шибче! Дава́й шибче! — кричи́т Фёдьке.

Отстаёт Фёдька.

Прошла́ ещё неде́ля. Мальчи́шка осво́ился. Не уступа́ет тепе́рь Суво́рову.

Прошла́ тре́тья неде́ля, и Фёдька стал обгона́ть фельдма́ршала. Обго́нит:

— Дава́й шибче! Дава́й шибче! — кричи́т ба́рину.

Напряга́ется Суво́ров изо все́х сил, пы́жится, одна́ко обогна́ть Фёдьку уже́ не мо́жет.

Все́ ча́ще и ча́ще к пруду́ ста́ли собира́ться други́е мальчи́шки. Сгру́дятся, смóтрят, как фельдма́ршал и Фёдька бе́гают. Весе́ло им смотре́ть на Суво́рова, ра́дуются, что свой ба́рина обгоня́ет. Смею́тся.

Обидно ста́ло Суво́рову, стал отгона́ть он мальчи́шек. Отойдúт те, а потóм незаме́тно сно́ва к пруду́ прибли́зятся. Сно́ва смею́тся. Зли́тся Суво́ров.

— Пошли́ вон! — кричи́т на ребя́т.

Надо́ело э́то Суво́рову. Стал он тогда́ выби-

ра́ть тако́е вре́мя, что́бы Фёдьки побли́зости не́ было. Ви́дит — нет Фёдьки, схва́тит коньки́, скорей на каток. Пробежи́т по пруду́ круг, друго́й, смо́трит — и Фёдька тут, сло́вно из-под земли́ вы́рос. И сно́ва бегу́т ребя́та. Сно́ва смею́тся.

Разозли́лся вконец Суво́ров, позва́л управляющего:

— Зна́ешь мальчи́шку Фёдьку Ухова?

— Знаю, ва́ше сия́тельство.

— Так отвези́ его во Влади́мир и прода́й,— приказáл Суво́ров.— Чтоб ду́ху его́ тут не́ было!

Приказáл Суво́ров, а пото́м передума́л: всё же понравился мальчи́шка своим умельством фельдма́ршалу.

Оста́лся Фёдька в Ундоле.

Че́рез три го́да Суво́ров сно́ва вспо́мнил о ма́льчике и приказáл управляющему отда́ть его́ в ученики́ к желе́зных дел ма́стеру.

Выучился Фёдька, верну́лся в родну́ю дере́вню и вско́ре стал просла́вленным ма́стером на всю окрúгу.

БОБЫЛЬ

В селе́ Моровки́-Шу́шки, что находи́лось в Пёнзенских владениях гра́фа Суво́рова, жил бобыль Григо́рий Не́ктов.

До́ма не имёл, жены́ не имёл, родных то́же. Побира́лся он по селу́ — чем кто накормит, а то и вообще́ пропада́л из Шу́шек, и где он скита́лся, то́лком никто́ не знал.

А тут подошёл набор крестья́н в а́рмию. Во времена́ Суво́рова солда́тская слúжба была́ до́лгой-предо́лгой — два́дцать пять лет. Из семьи́ уходил рабо́тник надо́лго, наве́чно. Вот и реши́ли

шúшкинские мужики: чего́ же думать, пусть-ка Нёктов идёт в рекруты¹.

Сувóров же стра́шно не любил отдава́ть своих крепостных в солдаты. Невы́годно. Завёл он такой порядок: рекрутов покупать со стороны́. Полцены́ вносил Сувóров, второ́ую полови́ну собира́ли са́ми крестья́не. Ропта́ли мужики́ на денежные побóры, одна́ко мирились. А вот на э́тот раз реши́ли: заче́м же им тра́тить ли́шние де́ньги, раз есть бобыль Грiшка.

Ста́ли мужики́ упра́шивать ста́росту Ива́на Агафо́нова, что́бы тот немедля же написа́л о Грiшке Сувóрову.

Понача́лу Агафо́нов упе́рся: а ну как ба́рин начне́т руга́ться? Потóм согласи́лся: пользы́ же всё равно́ никакóй от Нёктова. Принялся сочи́нять письмо́. Писа́л хитро́. Нача́л с того́, что в Шу́шках второ́й год неурожа́й, что крестья́не пришлi в ску́дность, де́нег на рекрута нет. Потóм упомяну́л, что при поко́йном родителе рекрутов не покупáли и что, мол, меня́ть порядок не сто́ит. А уже́ в са́мом конце́ упомяну́л о Григо́рии Нёктове: мол, бобыль, де́лом не зányт, бродяжничае́т, мол, его́ и отда́ть в солдаты́.

Ждут в Шу́шках отве́та от Сувóрова. Вот и при́был отве́т. Гля́нул ста́роста — в глаза́х потемне́ло.

«Рекрута немедля купи́ть,— гро́зно писа́л Сувóров.— И впредь покупáть, ина́че быть вам розгами́ би́тыми». Да́лее в письме́ наказы́валось, что́бы Нёктову всем ми́ром «завести́ дом, ло́жку, пло́шку, скоти́ну и всё про́чее» и что́бы помога́ть Грiшке до тех пор, пока́ хозяйство́ его́ не нала́дится. А в конце́... «Раз Нёктов до сей поры́

¹ Р е к р у т — солдат-новобранец.

бобыль,— писал Суворов,— то главный ответчик — староста Иван Агафонов, а посему повелеваю оженить того бобыля на Агафоновой дочке Лукерье и даю на тот случай сроку 15 дён».

— Бог ты мой,— вскричал Агафонов,— бобыля Гришку — да на моей Лукерье!

Прибежали крестьяне.

— Ну что, что там в письме, чего барин в нём пишет?

— Пошли вон! — заревел Агафонов.— Господи милый! За что покарал! За что же Лукерью... — заскулил староста.— Всё из-за вас, проклятое семя! — набросился он на крестьян.— Сгною!.. Засеку!.. По миру пущу!..

Разбежались крестьяне.

Повздыхал, поохал староста Агафонов, да что же делать. Знал он крутой нрав барина — оженил на пятнадцатый день Лукерью и Гришку, завёл им дом, лóжку, плóшку, скотину и всё прочее.

И не стало с той поры в Шúшках бобыля Гришки. А в солдаты ушёл рекрут, купленный на общий крестьянский счёт, с приложением, как и полагалось, суворовской половины.

КОМУ КАК У ГОСПОД ЖИВЕТСЯ

Как-то в воскресный день на ярмарке встретились крепостные разных господ. Были здесь мужики помещика Псарова, помещицы Водолеевой, князя Пирятина. Были и графа Суворова — ундольские мужики

Завели мужики разговор о том, кому как у господ живётся.

— У нас барин крут. Крут, не зря, что фельдмаршал,— заявили суворовские крестьяне.

— Чем же он крут?

— Парней и девчат обженил без разбору.

— Ну, а ещё?

— Мальца Фёдку хотёл продать.

— Ещё?

— Ещё рекрутов покупать заставляет.

— Ну и крут! — засмеялись крепостные других господ. — Вы уж молчите. У вас барин как барин. Хороший барин у вас. Дай бог и нам бы такого. — И принялись рассказывать о своей жизни.

Крепостные помещика Псарова — про то, как их барин три раза в году — в покров, рождество и на святки¹ — всем мужикам и бабам учиняет поголовную порку.

— Это чтоб барскую руку помнили, чтобы боялись, — объясняли псаровские крестьяне. — Вот кто уж крут, так это наш барин: виновных — на цепь, недовольных — в солдаты, за недоимки — в тёмный подвал на хлеб и ржавую воду.

— Подумаешь, Фёдку хотёл продать! — заговорили крепостные помещицы Водолеевой. — Того хоть за дело, за озорство, а наша барыня — так ни за что ни про что этих мальцов, словно цыплят, на торг возами вывозит. Не терпит барыня детского крику. Дворовых девок, так тех, о господи, едва у кого народилось дитё, топить, как котят, понуждает.

— А наш барин, — вмешались в разговор крестьяне князя Пирятина, — по весне трёх егерей заporол до смерти. А за что? За то, что те ненароком во время охоты подстрелили борзую. Сука поправилась, а мужиков — на погост.

¹ Покров, рождество, святки — церковные праздники.

Дóлго шумели на базáрной плóщади мужикí. Говорíли всякое. И про то, как мрут крестьяне от рáзных болéзней, и что íзбы у всех не íзбы, а бог знает что, и что дéти растúт не учёны, и что сáми мучены-перемучены и нет ужé бóльше сил терпéть измывáтельства и гнуть мужицкие спи́ны рáди бар и госпóдской прихоти.

Возвращáлись сувóровские мужикí к себé в Ундо́л, вспомина́ли разгово́р на базáрной плóщади, думали: «Да, пожа́луй, наш ба́рин совсе́м хоро́ший. Хоть и фельдма́ршал, и граф, и князь, а всё же жить при тако́м мóжно. Упаси́ нас бог от други́х госпóд».

ШКО́ЛА

Нéсколько лет Росси́я жилá без войны́. Войска́ Сувóрова стояли на однё́м мёсте.

Обзавели́сь за э́то вре́мя солда́ты се́мьями. Понародíлись дéти. Вот и реши́л Сувóров организова́ть для солда́тских дете́й шко́лу.

Организова́л и сам стал вести́ в ней занятия́.

Собрало́сь внача́ле в шко́лу двена́дцать ребят и подро́стков. А че́рез нéсколько дней пришла́ дéвочка — Ню́та. Ребя́та ста́ли смея́ться: дéвчо́нка — и в шко́лу! Язы́к показываю́т. Дразнят. То́лько зря смея́лись ребята́. Ню́та оказа́лась не глупее́ други́х.

— Ско́лько два́жды два? — спрóсит Сувóров.

Сидя́т ребя́та, мо́рщат лбы, сообража́ют.

— Четы́ре! — выпалит Ню́та.

— Молоде́ц! Пра́вильно,— ска́жет Сувóров.

Пото́м вызывáет ребят к доске́, заставля́ет писа́ть рáзные слова́. Выбира́ет тóдые:

— А ну-ка, Ры́ндин, напиши мне сло́во «ещё».

Вы́дет Ры́ндин, подума́ет, напи́шет «ищó».

— Так, — произнесёт Суво́ров. — А ну-ка, Ла́птев, ступа́й ты.

Вы́дет Ла́птев, напи́шет «исчо́». Му́чаются ребята́ с упря́мым сло́вом. «Есчо́», «ищё», «исче́» — по-ра́зному пи́шут.

— Нева́рно, нева́рно, — говори́т Суво́ров. — Ну-ка, Нью́та, ступа́й к доске́.

Вы́дет Нью́та и кру́пными бу́квами вы́ведет: «Ещё».

— Вот тепе́рь пра́вильно, — ска́жет Суво́ров и похва́лит Нью́ту.

Или устро́ит Суво́ров уро́к геогра́фии:

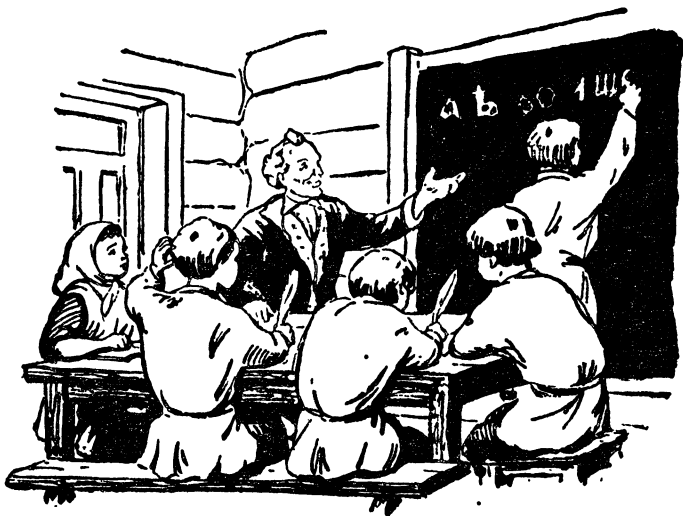
— Где река́ Дон?

И снова́ ребята́ мо́рщат лбы́. Оди́н на Во́лгу пока́жет, друго́й на Дне́пр, тре́тий вообще́ бог весть куда́ заберётся. Зато́ Нью́та подойдёт к ка́рте, схва́тит ука́зку и сразу́ в ну́жное ме́сто ткнёт.

Вот и назна́чил Суво́ров Нью́ту ста́ршей над кла́ссом. Оби́дно ста́ло мальчи́шкам: девчо́нка — и вдруг ста́ршая! Побы́ли они́ не́сколько дней в подчинении́ у Нью́ты, а потом Ры́ндин и Ла́птев обрати́лись к Суво́рову с жа́лобой от всех ребят.

— Да, — произне́с Суво́ров, — ва́ша пра́вда. Нехорошо́ это́. Не де́ло. Не приста́ло парня́м у де́вочки быть в подчинении́. То́лько ведь по заслугам Нью́та за ста́ршую. Как же нам быть?

Стали ребята вместе с Суворовым думать, как же им быть.

— Нюта умнее нас, — заявил Риндин.

— У неё голова больше, — произнёс Лаптев.

— Невёрно, неверно! — перебил их Суворов. — Не умнее вас Нюта. Нюта прилежнее. Не гоняйте, — говорит, — вечерами по улицам, а сидите дома, изучайте географию и арифметику, как трудные слова пишутся, запоминайте, и у вас дело пойдёт.

Послушались ребята Суворова. Выучили таблицу умножения. Запомнили, где какие моря и реки. Разные мудрёные слова без ошибок писать научились.

Через месяц Суворов устроил ребятам проверку:

— Где река Дон?

Каждый лезет, норовит показать первым.

— Как написать слово «ещё»?

Через «е», «щ», «ё»! — хором кричат ребята.

— Сколько дважды два?

— Четыре!

— А трижды три?

— Девять!

— Молодцы! Правильно! — хвалит Суворов.

Пришло время сдержать Суворову данное слово. Решил он назначить старшим над классом вместо Нюты Рындина.

Только ребята вдруг запротивились:

Пусть остаётся Нюта.

Нюта!

Нюта! — понеслось с разных сторон.

Усмехнулся Суворов, порадовался. Хоть и малые ребята, а поняли, что прав был Суворов, назначив Нюту за старшего, что лучшего старшего им и не надо.

ШТЫК

Как-то Суворов гостил у своего приятеля в Новгородской губернии. Вечерами друзья сидели дома, вспоминали старых товарищей, бой и походы. А днём Суворов отправлялся побродить по лесу, посмотреть на округу. Здесь в лесу, у старого дуба, он и встретил мальчика Саньку Вьдрина.

— Ты, дяденька, солдат? — обратился Санька к Суворову.

— Солдат, — ответил фельдмаршал.

— Откуда идёшь?

— С войны.

— Расскажи про Суворова.

Фельдмаршал сощурил глаза, хитро глянул на мальчика:

— Про какого это ещё про Суворова?

— Не знаешь? Ну, про того, что с турками воевал. Что Измайл брал. Про фельдмаршала.

— Нет,— говорит Суворов,— не знаю.

— Какой же ты солдат,— усмехнулся Санык,— раз не знаешь Суворова! — Схватил мальчик палку, закричал по-суворовски: — «Ура! За мной! Чудо-богатыри, вперёд!»

Бегает Санык вокруг фельдмаршала, всё норовит пырнуть Суворова палкой в живот.

«Вот так мальчишка!» — подивился Суворов. А самому приятно, что и имя его и дела детям и тем известны.

Наконец Санык успокоился, сунул палку за пояс, проговорил:

— Дяденька, подарь штык.

— Зачем тебе штык?

— В войну играть. Неприятеля бить.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов.— Так ведь нет у меня штыка.

— Не брешь, не брешь,— говорит Санык.— Не может так, чтобы солдат — и штыка не было.

— Видит бог, нет,— уверяет Суворов и разводит руками.

— А ты принеси,— не унимается Санык.

И до того пристал, что ничего другого Суворову не оставалось, как пообещать штык.

Прибежал на следующий день Санык в лес к старому дубу, прождал до самого вечера, да только «солдат» больше не появлялся.

«Брехливый! — ругнулся Санык. — Никудышный, видно, солдат».

А через несколько дней к Саныкиной избе подскочил верховой, вызвал мальчика, передал свёрток.

— От фельдмаршала Суворова, — проговорил.

Разинулся от неожиданности Саныкин рот, да так и остался. Стоит мальчик, смотрит на свёрток, не верит ни глазам своим, ни ушам. Да разве может такое статься, чтобы сам фельдмаршал к Саныке прислал посыльного!

Набежали к выдринской избе мужики и бабы, слетелись мальчишки, прискакал на одной ноге инвалид Качкин.

— Разворачивай! Разворачивай! — кричат мужики.

Развернул Санык дрожащими руками свёрток — штык.

— Суворовский, непобедимый! — закричал Качкин.

— Господи, штык, настоящий! — перекрестились бабы.

— Покажи, покажи! — потянулись мальчишки.

К этому времени Санык пришёл в себя. И рот закрылся. И руки дрожать перестали.

Догад́ался. Рассказ́ал он про встр́ечу в лесу́ отцу́, ма́тери, и ребя́там, и Ка́чкину, и всем мужика́м и ба́бам.

Неско́лько лет во всех подро́бностях рас-ска́зывал Са́нька про встр́ечу с Суво́ровым. А штык?

Бо́льше всего́ на све́те Са́нька берёг суворо́вский штык. Спать без штыка́ не ложился, чехо́л ему́ сшил, чи́стил, носил за собо́й, как драгоценную но́шу. А когда́ Са́нька вы́рос и стал солда́том, он вме́сте со штыко́м ушёл на войну́ и по-суво́ровски бил неприятеля́.

ШУ́БА

Подари́ла импера́трица Екате́рина Второ́я Суво́рову шу́бу. Сукно́ заграни́чное. Ме́хом подби́та. Воротни́к из бобро́вой шку́ры. Хоро́шая шу́ба. Одна́ко Суво́рову она́ ни к чему́. Да́же в са́мые лю́тые морозы́ фельдма́ршал одева́лся легко́, по-солда́тски.

Спря́тал бы её Суво́ров на па́мять в сунду́к, да то́лько наказ́ала ца́рица фельдма́ршалу с шу́бой не расстава́ться. Тогда́ Суво́ров пошёл на хитро́сть.

Стал он вози́ть за собо́й Про́шку. Сиди́т Суво́ров в са́нках, ря́дом с фельдма́ршалом — Про́шка, ва́жно де́ржит в руках́ ца́рскую шу́бу. Идёт Суво́ров по у́лице. Сле́дом за ним Про́шка — в руках́ шу́ба.

Мо́жет быть, так до са́мой сме́рти своёй и таска́лся бы Про́шка с шу́бой, е́сли бы вдруг кто́-то не донёс про суворо́вское непослуша́ние импера́трице.

Разгне́валась Екате́рина Второ́я, прика́зала позва́ть Суво́рова.

— Ты что же! — говорит. — Тебѣ что же, мѣлость царская не по нутрѣ?

— Помѣлуй бог! — воскликнул Суворов. — По нутрѣ, матушка. По нутрѣ. Премного обязан.

— Ослушником стал! — укоряет царица. — Волю монаршую попираешь!

— Никак нет, — оправдывается Суворов. — Я же солдат, матушка. Мне ли, как барчукѣ, нежиться! А про непослушание это кто-то по злобе донѣс. Шуба всегда при мне. Как же. К ней Прощка специально приставлен... Прощка! Прощка! — позвал фельдмаршал.

Входит Прощка — приносит шубу.

Рассмѣялась царица.

— Ладно, — сказала, — бог с тобой. Твоя шуба, твоя и воля. Не насилую. Поступай как хочешь.

Подумал Суворов и отдал царскую шубу Прощке.

— На, — говорит. — Ты до теплѣ любитель. Носи. Благодарѣ матушку-государыню.

За «теплѣ» Прощка обѣделся. Однако шубе обрадовался.

Только недолго пробылѣ шуба у Прощки. Походилѣ несколько дней, похвастал перед солдатами, а потом вместе с друзьями-приятелями пропил еѣ за здоровье фельдмаршала.

ПРО КОРМ И ХВАСТЛИВЫХ ПОМЕЩИКОВ

Суворовская армия стояла на отдыхе в одной из южных губерний. Время было осеннее. С прокормом неважно. Особенно для лошадей.

Суворов нещадно ругал своих интендантов, писал прошения губернским начальникам, но дело не двигалось.

А тут ко все́му постоянно надоеда́ли ме́стные поме́щики. Приезжа́ли посмотре́ть на Суво́рова, и ка́ждый непременно приглаша́л фельдма́ршала в го́сти.

Ездить же Суво́ров по гостя́м не люби́л и все́м отвеча́л:

— Не могу́. Не могу́. За́нят!

Приезжа́ли поме́щики на трóйках, четвё́рках. Ко́ни у все́х ре́звые, сы́тые. Ка́ждый пыта́лся похва́стать, пусти́ть пыль в глаза́ — вот, мол, ка́кой он бога́тый. А поме́щик Сопе́лкин прие́хал да́же на це́лой восьме́рке лошаде́й, запряже́нных цуго́м. Реши́л все́х превзойти́. Подума́л: тако́му-то Суво́ров уж не отка́жет.

Гля́нул фельдма́ршал на сопе́лкинскую восьме́рку, задума́лся и вдруг действите́льно согла́сился.

На сле́дующий день приказа́л Суво́ров собра́ть со все́й а́рмии во́семьдесят са́мых то́щих лошаде́й и запря́чь их цуго́м в одну́ коля́ску. Запрягли́. Усе́лся Суво́ров в коля́ску, пое́хал в го́сти.

Растяну́лся фельдма́ршальский по́езд на полверсты́. Переступи́ли пе́рвые па́ры че́рез воро́та сопе́лкинской уса́дбы, а коля́ски с Суво́ровым ещё́ и не ви́дно — где́-то за бугро́м та́щится. Заби́ли арме́йские ко́ни все́ ба́рский двор — поверну́ться не́где.

По́нял поме́щик насме́шку Суво́рова, одна́ко смолча́л. Распоряди́лся развести́ коне́й по коно́шням, пригласи́л фельдма́ршала в дом.

Цѣлую недѣлю гостѣл Суворов у Сопѣлкина. Съѣли за это время армейские кони у помещика все запасы овса и сѣна, разжирѣли, поправились.

Простѣлся Суворов. Уѣхал. Вернулся в армию, спрашивает:

— Как корм для лошадей? Есть ли отвѣтъ от губернских начальников?

— Плохи дела, ваше сиятельство,— отвечают Суворову.— Нет отвѣта от губернских начальников.

Тогда Суворов наказал собрать новых лошадей. И снова поѣхал в гости. На сей раз к помещику Рачкину. Потом ѣздил к Шляндину, потом к Утконосову.

Другие помещики заволновались. Поняли — разорит их Суворов. Уж и не рады знаменитому гостю. Уж и не приглашают Суворова. А фельдмаршал все ѣздит и ѣздит.

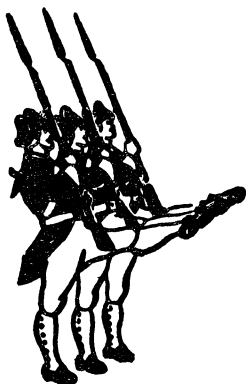
Кончила армия отдых, ушла в дальние походы. А в южной губернии еще долго вспоминали Суворова и потешались над хвастливыми помещиками.

ПУДРА — НЕ ПОРОХ

После смерти Екатерины Второй русским царем стал ее сын, Павел Первый.

Павел принялся вводить новые порядки в армии. Не нравилось императору все русское, любил он все иностранное, больше всего немецкое. Вот и решил Павел на прусский, то есть немец-

кий, манёр перестроить російскую армию. Солдат заставили носить длинные косы, на виски наклеивать войлочные бубли, пудрить мукой волосы. Взглянешь на такого солдата — чучело, а не русский солдат.

Принялись солдат обучать не стрельбе из ружей и штыковому бою, а умению ходить на парадах, чётко отбивать шаг, ловко поворачиваться на каблуках.

Суворов возненавидел новые порядки и часто дурно о них отзывался.

«Русские прусских всегда бивали, чему же у них учиться?» — говорил фельдмаршал.

Однажды Павел Первый пригласил Суворова на парад.

Шли на параде прославленные русские полки. Глянул Суворов и не узнал своих чудобогатырей. Нет ни удали. Нет ни геройства. Идут солдаты, как заводные. Только стук-стук каблуками о мостовую. Только хлесть-хлесть косами по спине.

А император доволен. Стоит, говорит Суворову:

— Гляди, гляди, ещё немного — и совсем не хуже немецких будут.

Скривился Суворов от этих слов, передёрнулся.

— Радость, ваше величество, невелика, — ответил. — Русские прусских всегда бивали. Чему же здесь радоваться?

Император смолчал. Только гневный взгляд метнул на фельдмаршала. Постоял молча, а затем снова к Суворову:

— Да ты смотри, смотри — косы какие!
А б́укли, б́укли! Какие б́укли!

— Б́укли,— б́уркнул фельдмáршал.

Имперáтор не выдержал. Повернулся к Суворову, ткнул на до сих пор не сменённую фельдмáршалом старую русскую форму, закричáл:

— Заменить! Немедля! Повелеваю!

Тут-то Суворов и произнёс свою знаменитую фразу:

— Пудра — не порох, б́укли — не пушки, косá — не тесáк, а я не немец, вáше величество, а природный русáк! — и уехал с парáда.

Пáвел разгневался и отпра́вил упрямого старика в ссылку в село Кончáнское.

СУВО́РОЧКА

Была у Суворова дочь — Натáша. Души́ не чаял Суворов в своей Натáше. В каких бы дальних походах ни был, всегда вспомина́л о ней, писа́л частые письма, назывáл «душá моя́», «милая голубушка», а друзья́м говори́л: «Смерть моя́ — для отечества, жизнь моя́ — для Натáши».

Но вот Натáша выросла, была́ принята́ при ца́рском дворе́, закрути́лась на разны́х бала́х и звáных приёмах и совсе́м забы́ла отца́.

Грусти́л Суворов в одиночестве. Осóбенно грусти́л, будучи в ссылке в селе́ Кончáнском. Редко-редко приходи́ли сюда́ письма́ из Пíтера.

А тут привязáлась к Суворову де́вочка Кáтя Калáшникова.

Ходи́ла Кáтя с Суворовым в лес, навещáла Ми́шку, суворовского коня́, жившего здесь в «от-

ста́вке», ла́зила на́ гору Дуби́ху, где среди́ ста́рых дубо́в и ёлей сто́яла ма́ленькая сторо́жка, в кото́рой люби́л отды́хать и рабо́тать Суво́ров.

Иду́т фельдма́ршал и Ка́тя, веду́т разгово́р.

— Ты ста́ренький,— говори́т Ка́тя.

— Како́й же я ста́ренький? — возража́ет Суво́ров.— Я мо́лод. Смотри́...— и пры́гает, сло́вно ма́льчи́шка, че́рез овра́г.

Ка́тя сме́ется.

— Ты се́денький,— говори́т.

— Не сед я, а рус,—отвеча́ет Суво́ров и мо́лоде́чки встря́хивает ре́денькими сво́ими кудря́ми.

— У теб́я морщи́нки на лбу́.

— Каки́е же э́то морщи́нки? — отшу́чивается Суво́ров.— Э́то лихи́е шра́мы.

— Ты не у дел,— заявля́ет Ка́тя.

— Как не у дел! Вот и непра́вда,— уже́ серьё́зно ска́жет Суво́ров.

Возьме́т де́вочку за́ руку и поведёт в лесну́ю сторо́жку. Пересту́пит Ка́тя поро́г — круго́м кни́ги и ка́рты. Гля́нет на ка́рты, а там пла́ны боёв и сраже́ний. Хотя́ и жил Суво́ров в изгна́нии, да вре́мени зря́ не тра́тил, гото́вился к но́вым похода́м.

К о́сени Суво́ров оборо́довал одну́ из ко́мнат конча́нского до́ма под зы́мний сад. В лесу́ вы́копали о́ни вме́сте с Ка́тей мо́лодых со́сенок, берёз и ёлок, посади́ли их в ка́дки, устано́вили в ко́мнате. Потом́ с конча́нскими ма́льчи́шками налови́ли сини́ц, снегирёй и щегло́в. Назва́ли ко́мнату «пти́чьей го́рницей».

Люби́л Суво́ров си́живать в «пти́чьей го́рнице». Приходи́ла сюда́ и Ка́тя. Сдружи́лись о́ни с фельдма́ршалом. Вме́сте следи́ли за пти́цами, дава́ли им во́ду и корм, чи́стили ко́мнату. А потом́ Ка́тя сади́лась побли́же к Суво́рову, и тот

принимался рассказывать ей удивительные истории и забавные сказки.

Но вот случилась беда. Заболела Катя тяжелой болезнью — оспой. Заболела и не поправилась.

Осиротела «птичья горница».

Сразу же по весне Суворов выпустил птиц на волю. А сосенки, березки и елки наказал высадить рядом с Катиной могилкой. Деревца разрослись. Появилась рощица. Часто приходил сюда Суворов, молча стоял и о чем-то думал. Может, о Кате. Может, и о Наташе.

А Наташа по-прежнему жила в Питере, ездила по разным вечерам и балам и совсем перестала писать в Кончанское.

НИКОЛАЕВ

В селе Кончанском Суворов находился под надзором пристава Николаева.

Доставалось Суворову от Николаева. Строго соблюдал пристав режимные правила: письма вскрывал фельдмаршала, доносил о тех, кто посещал опального полковнца, следил, чтобы Суворов не отлучался в соседние села.

Едва Суворов куда-нибудь собирается:

— Не велено, ваше сиятельство, не велено! — кричит Николаев и задерживает лошадей.

Направится Суворов с кончанскими мальчишками в лес по грибы или ягоды, и Николаев тут как тут, возьмет лукошко, идет следом: «Ну как фельдмаршал удрать собрался!»

Николаев гордился своим положением.

— Служба у меня немалая, — говорил он крестьянам, — сам фельдмаршал у меня в подчинении.

— Пράвда. Пράвда твоя,— соглашались крестьяне.— Мóжет, тебѣ ещё и награду дадут за усердие.

При таких словах пристав широко улыбался.

— А что? — отвечал.— Мóжет, дадут. Оно по заслугам.

И дали.

Когда Суворов был снова призван в армию, император Пáвел Пѣрвый стал спрашивать, есть ли какие просьбы у полковóдца.

— Есть, есть, вáше величество,— отвѣтил Суворов.— Великая просьба имѣется.

— Говори.

— Был у меня в Кончáнском пристав,— произнёс Суворов,— исправно, вáше величество, своё дѣло вёл: письма читал, в Пѣтер докладывал, никуда из Кончáнского не выпускал. За подобное усердие достоин высочáйшей награды.

Император не пóнял насмѣшки фельдмáршала и наградил Николаева.

Глава III.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

В Италии против французов русские войска сражались вместе с австрийцами.

И среди австрийцев было много героев. И все же русские солдаты были более смелыми, более стойкими и выносливыми. Во всем мире не было армии лучше суворовской.

После разгрома французов в Италии Суворов получил приказ провести свою армию через Альпийские горы и прийти на помощь русским и австрийцам, сражавшимся против французов в Швейцарии.

Осенью 1799 года семидесятилетний Суворов выступил в свой последний поход. В пути выяснилось, что войска, к которым торопился Суворов, разбиты. Без снаряжения и продовольствия, далеко от родины, в непроходимых горах. Суворов остался один, лицом к лицу перед огромной армией неприятеля.

Казалось, русским грозит неизбежная гибель. Суворов спас русскую армию.

Про героический Альпийский поход, про великий подвиг суворовских чудо-богатырей ты и прочитаешь в третьей, последней главе этой книги.

АЛЬПИЙСКИЕ ГОРЫ

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вёл в последний поход своих чудосолдат Суворов.

Трудно солдатам в походе. Выюга. Снегопад. Непогода. Путь дальний, невёданный. Горы. Холодно, голодно солдатам в пути. Идут, скользят, срываются в пропасти. Ташат тяжёлые пушки, несут поотмороженных и хворых своих товарищей.

А кругом неприятель. Пройдут солдаты версту — бой. Пройдут ещё несколько — бой.

Пробивается русская армия сквозь горы и неприятеля. Совершает Альпийский поход.

Трудно солдатам в походе. В середине пути один из полков не выдержал.

— Куда нас завели? — зароптали солдаты. — Не пойдём дальше!

— Суворов из ума выжил!

— Назад! Поворачивай! Назад!

К полку подъехал Суворов.

— Хорошó, — произнёс фельдмаршал. — Ступайте. Не нужны мне такие солдаты. Не русские вы. Ступайте.

— Как так — не русские! — возмущились солдаты.

— Русский всё одолеет. Русскому всё ничего! — ответил Суворов. — Прощайте. — Повернул коня и молча поехал в горы.

Солдаты опешили. Не ожидали такого.

— Братцы! — выкрикнул кто-то. — Да что же это, а? Братцы! Мы ли не русские?!

— Русские! Русские! — понеслись голоса.

Зашумели солдаты, задвигались, подхватили ружья, подняли носилки с ранеными и нестройно, торопясь и толкаясь, бросились вслед за фельдмаршалом.

Высокие Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вёл своих чудо-солдат фельдмаршал Суворов.

ИДУТ СОЛДАТЫ, ВЕДУТ РАЗГОВОР

Идут солдаты, ведут разговор.
— Оно бы ничего,— рассуждают солдаты.— Горы не страшны. Французы страшны. Если и будет наша погибель, так только от неприятеля.

И вдруг...

— К бою! К бою! — прошла команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге, кто за утес, кто за скалу. Залегли. Ждут неприятеля. Вот и французы. Тра-та-та-та! Тра-та-та-та! — несётся со всех сторон.

— Братцы, не робей! Ура! Держись, братцы! Удержались солдаты. Отступили французы. Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего,— рассуждают солдаты.— Французы не страшны. Горы страшны. Если и будет наша погибель, так только от гор, непогоды.

И вдруг...

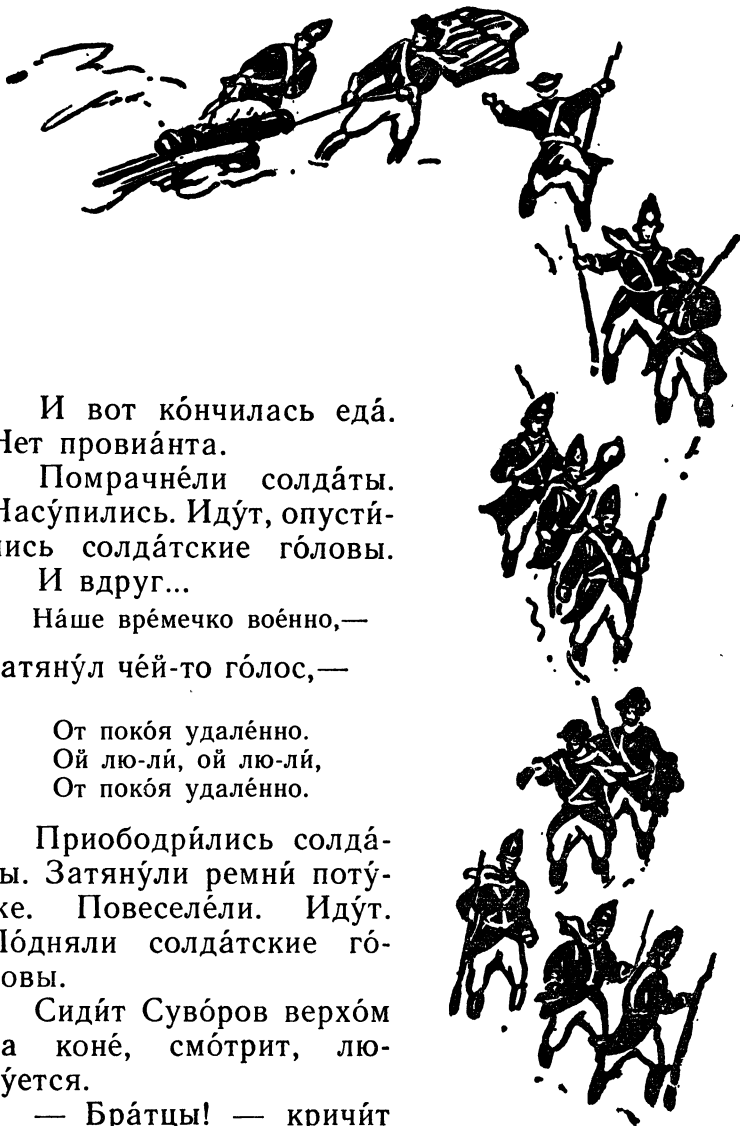
Заиграла, засвистела, забушевала метель. Рванул леденящий ветер. Обрушилась с гор лавина.

— Берегись! Стронись! — несётся команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге, кто за утес, кто за скалу. Залегли. Ждут. Пронеслись камни. Отгремела лавина. Прояснилось небо. Притихла метель.

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего,— рассуждают солдаты.— Французы не страшны. Горы не страшны. Если и будет наша погибель, так только от мора, от голода.

И вот кончилась еда.
Нет провианта.

Помрачнели солдаты.
Насупились. Идут, опустились
солдатские головы.

И вдруг...

Наше времечко военно,—
затянул чей-то голос,—

От покоя удаленно.
Ой лю-ли, ой лю-ли,
От покоя удаленно.

Приободрились солдаты.
Затянули ремни потуже.
Повеселели. Идут.
Подняли солдатские головы.

Сидит Суворов верхом
на коне, смотрит, любит-
ся.

— Братцы! — кричит
Суворов. — Не страшны
нам горы Альпийские. Не
страшны нам французские

ки близкие. Что нам голод, мор, непогода — раз в российских войсках дух солдатский не переводится.

— Ура! — гремит в ответ на слова фельдмаршала.

И снова разнесится песня:

С предводителем таким
Всё на свете победим,
Ой лю-ли, ой лю-ли.
Всё на свете победим!

Двигается. Двигается. Двигается. По горным вершинам, по тёмным ущельям, в облаках, в туман, в непогоду, от обрыва к обрыву, со скалы на скалу. Двигается. Двигается. Двигается. Не остановишь российскую армию. Пробиваются солдаты сквозь горы и неприятеля. Совершают Альпийский поход.

ТУЧА

Сен-Готард. Узкая, извилистая тропка ведёт к перевалу. А там, по ту сторону гор, новые горы, новые тропы, новые пропасти и стремнины.

Неприступной вершиной стал Сен-Готард на пути у русских. Укрепились на перевале французские войска, перекрыли дорогу.

Дважды ходили солдаты на штурм и дважды были отбиты.

Суворов приказал штурмовать в третий раз.

Выделил фельдмаршал группу солдат для обходного манёвра. Назначил старшим молодого генерала, любимца своего, князя Петра Багратиона.

— Ну, с богом, — перекрестил их Суворов.

Поползли солдаты по уступам и скалам в обход Сен-Готарда, так, чтобы ударить противнику в спину. Поднялись уже до самых вершин, да только были замечены вдруг французами. Открыли французские стрелки ураганный огонь. Остановили русских. Сорвалась атака. Отдал Багратион приказ спускаться назад. Сползают солдаты вниз по отвесным скалам. Не торопятся, знают — не похвалит Суворов.

И правда. Скинул фельдмаршал шляпу, машет, кричит что-то Багратиону. Вздрагивает на голове суворовский хохолок, словно и он, как фельдмаршал, гневается.

— Шибче, шибче спускайся! — кричит Суворов и тычет шляпой в хмурое небо.

Смотрят солдаты — наплывает из-за гор на Сен-Готард чёрная туча. Смотрит на тучу и Багратион, однако не торопит солдат спускаться. Обволокла туча уступы и скалы, скрыла русских солдат.

— Побьются, побьются в тумане, — бранится Суворов. — Эх, медленно, не по-моему водит войска Багратион!

Волнуется фельдмаршал. Прождал несколько минут:

— Ну как, не вернётся князь Пётр?

— Нет, не вернётся ещё,— докладывают Суворову.

Прошло ещё несколько минут.

— Ну как, не вернётся?

— Нет, ваше сиятельство.

Прошло минут тридцать, и вдруг там, на самом верху, у самого перевала, поднялась страшная стрельба, всколыхнуло перевальную тишь знакомое солдатскому уху «ура».

Насторожился Суворов.

— Ура! Ура! — несётся на перевале.

«Неужто Багратион?!» — недоумевает уворов. И хочется верить, и трудно поверить!

Туча тем временем переползла через горы, свернула в долину и открыла перед Суворовым Сен-Готард. Глянул фельдмаршал — так и есть: на вершине Багратион со своими солдатами.

— Вперёд! — закричал Суворов.

Ринулись солдаты в лобовую атаку. Оказались французы зажатыми с двух сторон: сверху и снизу. Не удержались. Бежали французы.

Поднялся Суворов на Сен-Готард, доволен.

— Так их! Правильно! — приговаривает. — Противник не ждёт. А ты из-за гор высоких, из-за лесов дремучих, через топи, через болота, прямо из туч пади на него, как снег на голову.

Ура! Бей! Коли! Руби! Так его! Молодец, князь Пётр! — повернулся Суворов к Багратиону. — Эн нет, гляжу, по-нашему поступаешь! — и расцеловал генерала.

ЧЕРТОВ МОСТ

Преодолев Сен-Готард, русские спустились в ущелье Рейсы. Бежит непокорная Рейса, пенится, клокочет, ударяет волной в высокие берега, наполняет гулом и ревом округу. Отдаёт десятикратным эхом в горах.

Жутко здесь путнику, жутко тут зверю, редкая птица слетит в ущелье.

Через Рейсу на высоте тридцати метров перекинута узкая каменная арка. Сотрясается арка от рева реки. Зловеще повисла над пропастью.

Недобрые это места. Чертов мост — перед русскими.

Взорвали французы центральную часть моста, засели по ту сторону Рейсы.

Брѳосились пѳрвые смельчакѳ на мост, но тут же свалились, сражѳнные пулями, в пропасть. Брѳосилась новая группа герѳев. Достѳгли пролома. Не перепрыгнешь пролом. Остановѳлись. Скосили меткие французские стрелки русских герѳев. Ринулся новый отряд. Снова погѳбель.

Остановѳлась атака.

Сидѳт Суворѳв верхѳм на казѳцком конѳ, смѳтрит на мост, на солдат, на вражеский бѳрег. Понимѳет: сколько ни бѳгай солдѳты — не быть им на том берегу, не заделав в мосту пролома. Замечѳет фельдмаршал метрах в ста от дорѳги — стоит

невѳсть для чѳго пострѳенный здесь сарѳй. «Разобрѳать бы сарѳй, связѳть брѳвна и перебрѳосить чѳрез пролом», — соображѳет Суворѳв. Тѳлько подумал, смѳтрит — от других отдѳляется тѳщий рябовѳтый солдат, чѳто-то машет товарищам и несѳтся к сарѳю. Брѳосились вслед гранѳдеры, взобрѳлись на крышу, стѳли растѳскивать брѳвна. Наблюдѳет Суворѳв, видѳт: снимѳет тѳщий солдат поясной ремѳнь. За ним и другие снимают. Связѳли, стянуѳли ремнями солдѳты брѳвна, подѳняли, поволокли к пролѳму.

«Мудрая голова», — подумал фельдмаршал о тѳщем солдѳте. Довѳлен Суворѳв солдатской смекалкой.

Правнѳялись солдѳты с мостѳм. Вѳить, вѳить! — засвистѳли французские пули.

Залегли смельчаки за брёвна. Переждали. Опять поднялись. Только не все. Половина убитых. Тощий, однако, поднялся. Ступили солдаты шаг, второй, и снова французские пули. И снова солдат наполовину уменьшилось.

Опять залегли. Опять переждали. Поднялись. Снова огонь. И вот в живых только три человека. Снова залп — два человека. Снова — один. Смотрит Суворов: только тощий солдат и остался.

Не поднять солдату тяжёлые брёвна. Лёг он, толкает перед собой, пытается сдвинуть. Поднатужился, сдвинулись брёвна чуть-чуть — на вершок. Опять поднатужился — ещё на вершок.

— Герой! Молодец! — не удержался Суворов. — К герою на помощь! — кричит солдатам.

Бросились солдаты на помощь. Подбежали, схватили брёвна — к пролomu. Внеслись солдаты волной на мост. Брякнула, легла связка над пропастью. Откатились солдаты.

Смотрит Суворов, а тощий солдат на мосту. Стоит на брёвнах, повернулся к своим, машет рукой. Развевает ветер солдатский кафтан, треплет рыжеватые кудри. Обдаёт непокорная Рейса солдата пеной и брызгами.

Больше героя фельдмаршал не видел. Зарябили перед глазами Суворова солдатские спины. Хлынули гренадеры грозным потоком на мост. Заходило, заколыхалось солдатское море. Вот уже первые на той стороне. Вот уже и победное «ура» несётся в ущелье. Разбегаются, отходят французы.

Отгремел бой. Чёртов мост позади. Остановились войска на отдых.

— Как звать героя? — стал интересоваться Суворов тощим солдатом.

— Мóхов, Кири́лл Мóхов, ва́ше сия́тельство. Гренаде́р Апше́ро́нского пехо́тного полка́, ро́ты капита́на Лу́кова.

— Уда́лец! Уда́лец! — восхища́ется Суво́ров.— Перепра́ву навёл, мост сооруди́л. Бога́тырь! Ви́тязь! Позва́ть уда́льца!

— Мóхов! Мóхов! — зову́т солда́ты.

Не откли́кается Мóхов.

Лежи́т солда́т на дне про́пасти. Не слы́шит. Не ви́дит. Свали́ли солда́та францу́зские пу́ли. Разби́лся о ка́мни. Не бьётся бо́льше сме́лое се́рдце солда́тское.

Поги́б гренаде́р, а сла́ва оста́лась.

Соберу́тся солда́ты, начну́т вспоми́нать бо́й и похóды, вспо́мят и Че́ртов мост. Вспо́мят Че́ртов мост, вспо́мят и Мóхова:

— Если б не Мóхов, е́сли б не он — не вида́ть нам побе́ды. До́брое сло́во и па́мять ему́ вели́кая.

ГЕНЕРА́ЛЬСКИЙ ПОГО́Н

Иду́т войска́, пробива́ются че́рез но́вые го́ры, че́рез но́вые перева́лы. Прорвали́сь к Муте́нской доли́не — тут рокова́я весть: полки́, к кото́рым торопи́лся Суво́ров, разби́ты.

Францу́зский полково́дец Массена́ бро́сил тепе́рь основны́е си́лы про́тив Суво́рова. Си́лы нера́вны. У Массена́ в четы́ре ра́за бо́льше солда́т, чем у Суво́рова. И всё же Суво́ров реши́л пе́рвым нача́ть ата́ку.

Сло́вно го́рная лави́на, обру́шились ру́сские на францу́зов. Полки́ Апше́ро́нский и Азо́вский, казаки́ генера́ла Гре́кова вре́зались в проти́вника с тако́й си́лой, что францу́зы не вы́держали и побежа́ли.

Мéчется Массенá среди своих войск, кричѣт, пытáется останоѣить. Не помогаѣет. Бегѣт францѣзы, дáвят друг дрѣга, зажáли в своѣй толпѣ самогó Массенá.

— Стоѣйте! Стоѣйте! — кричѣт генерáл.

Вмѣсте со всѣми врѣзался во францѣзские ряды и капрáл Махóтин. Вѣдит — генерáл на конѣ. Стал Махóтин пробивáться к Массенá. Пробѣлся и сдѣрнул Массенá с коня. «Ну, брáтец, тепѣрь не уйдѣшь. Тепѣрь я тебя под мышку!» Рáдуется Махóтин и вдруг вѣдит у сáмого своего нóса неприятельский штык. Ктó-то из францѣзских солдáт брóсился на пóмощь своему генерáлу. Отбѣл Махóтин штык, повалѣл, пришѣб прикладом францѣза. Повернѣлся опяť к Массенá. А тот ужѣ на конѣ. Рванѣлся капрáл к генерáлу. Ухватѣлся рукóй за плечó. Соскользнѣла рукá. Пришпóрил коня Массенá. Вѣнес рысáк генерáла из бѣтвы.

— Держѣ! Держѣ его! — кричѣт Махóтин.

Да где уж! Быстрѣе вѣтра ухóдит Массенá. Стоѣт капрáл, смóтит сожалѣючи вслед. Стоѣт и не замечáет, что у самогó в зажатой рукѣ генерáльский погóн. Посмотрѣл нá руку — прáвда погóн.

Стыдно стáло капрáлу, что упустил Массенá. Решѣл про погóн никомѣ не рассказывать. А потóм пóсле бѣтвы всѣ же проговорѣлся.

— Так ты же герóй! — закричáли солдáты.

Дивяťся, рассмáтривают солдáты генерáльский погóн. Потóм поднялись, пошли, рассказáли рóтному командѣру, командѣр — генерáлу, генерáл — Суворóву.

На слѣдующий день пѣред войскáми был объявлен прикáz фельдмáршала о производстве Махóтина в офицѣры.

— Ура Махотину! — кричат солдаты. Довольны, что свой брат в офицеры выбился. А офицеры насупились — ни радости, ни улыбки. Обидно их благородиям.

После прочтения приказа выделили офицеры из своей среды поручика, капитана и полковника, послали к Суворову.

— Как же так, ваше сиятельство, за какие заслуги? — говорят офицеры. — Подумаешь, генеральский погон. Вот если б он живого Массена привёл.

Посмотрел Суворов на офицеров, поманил к себе пальцем поручика:

— Хочешь быть капитаном?

Подивился поручик такому вопросу, подумал: а вдруг и вправду соблаговолит Суворов.

— Так если ваша воля на то, — произнес и пригнулся.

Поманил Суворов капитана:

— Хочешь быть полковником?

— Как же не хотеть, ваше сиятельство! — ответил капитан и тоже пригнулся.

Позвал Суворов полковника:

— Желаешь быть генералом?

— Не смею просить. Всё от бога и вашего сиятельства, — гаркнул полковник.

— Принесите мне второй погон от Массена — быть и вам в повышении, — произнес Суворов.

Сконфузились офицеры. Повернулись. Ушли.

А Суворов ещё долго не мог успокоиться.

— За какие заслуги! — выкрикивал он. — Ишь ты! За доблесть солдатскую — вот за какие заслуги.

РОТА КАПИТАНА СМЕЛОГО

После каждого боя Суворов интересовался, какие войска были первыми, какие отличались больше других.

Так было и после штурма Сен-Готарда.

— Ступай разузнай,— послал Суворов своего адъютанта.

Адъютант долго ходил, расспрашивал, выяснял, однако без толку. Одни говорят — апшеронцы, другие — азовцы. «Гренадеры Багратиона»,— утверждают третьи. «Нет, казаки Грекова»,— доказывают четвертые. Обходит суворовский посланец войска, никак не добьётся истины. Все были на перевале.

И вдруг адъютанта окликнул какой-то солдат:

— Хочешь знать без ошибки?

— Говори же скорей!

— Рота капитана Смелого, вот кто был первым,— ответил солдат.

— Рота капитана Смелого,— доложил адъютант Суворову.

— Так, молодцы! — произнес фельдмаршал.

После перехода через Чёртов мост Суворов снова заинтересовался, кто был первым.

Адъютант опять долго ходил по войскам, наконец пришёл, доложил:

— Рота капитана Смелого, ваше сиятельство.

— Молодцы, герои! — похвалил Суворов.

После битвы с Массена фельдмаршал снова стал выяснять героев.

— Рота капитана Смелого,— услышал в ответ.

— Вот так рота! — подивился Суворов.

Приказал он позвать к себе капитана Смелого.

Стали искать. Выяснилось, что никакого капитана Смелого и роты такой во всей суворовской армии нет.

— Ах ты шельмец! — рассердился Суворов.

Вызвал адъютанта:

— Ты что же неправду доносишь?!

— Как — неправду! — обиделся адъютант. — Я, ваше сиятельство, к солдатам ходил. Они врать не станут. И при Сен-Готарде, и на Чёртовом мосту, и в деле с Массена — всюду была первая рота капитана Смелого.

— Ах вон оно что! — усмехнулся Суворов. — Ну, ступай, ещё раз поговори с солдатами.

Прибегает адъютант к солдатам:

— Где же ваша рота? Где капитан?

— Капитана, пожалуй, и нет, — отвечают солдаты, а рота есть. Как же, есть! Она и в Апшеронском пехотном полку, и в Азовском гренадерском полку, и в бригаде князя Багратиона, и среди казаков генерала Грекова, — перечисляют солдаты.

Вытянулось от удивления адъютантово лицо — что за чушь говорят солдаты.

А дело в простом. Трудно при Сен-Готарде отличить, какие войска в первых, какие в последних. Перемешались тогда полки и роты на пере-

ва́ле — все в пёрвых. Вот кто́-то из солда́т и при-
ду́мал про ро́ту капита́на Сме́лого. Выдумка
солда́там по́нра́вилась. Ста́ли о́ни с той поры́
са́мых отва́жных называ́ть э́тим и́менем. Так и
пошлó. Отлича́тся апшерóнцы.

— Так э́то же ро́та капита́на Сме́лого! —
крича́т солда́ты.

Отлича́тся азо́вцы.

— Ро́та Сме́лого!.. Сме́лого!.. Сме́лого!..—
несётся в войска́х.

Отлича́тся гренадёры Багратио́на и́ли казаки́
Гре́кова, а солда́ты о́пять своё:

— Ро́та Сме́лого. Ей почёт, ей и сла́ва.

По́нра́вилась Суво́рову солда́тская выдумка.
Стал и он по-солда́тски. Зайде́т разгово́р, ко́го
посыла́ть на о́пасное де́ло.

— Посыла́йте досто́йных,— говори́т фельд-
ма́ршал.— Бога́тырёй. Лу́чше всего́ тех, кто из
ро́ты солда́тского капита́на.

НОВЫЕ БАШМАКИ

Оборвали́сь в пу́ти солда́ты. Изодра́ли мун-
ди́ры, изб́или башмаки́ на го́рных доро́гах.
Сты́нут солда́ты от хо́лода. Жму́тся на ночёвках
к ко́страм, гре́ют озя́бшие ру́ки и спи́ны.

Не лучше других и Прόхору Груше. Мундёр — решето. Башмаки без подошвы. Ступает солдат голыми пятками по камням, впиваются камни в тело.

Обвяжет Прόхор тряпками ноги. Пройдет версту, от тряпок — мочало. Залатает мундёр. К вечеру — снова рёбра наружу.

Измучился солдат: жизнь не мила, небо в овчинку.

И вот Груша куда-то исчез, недосчитались его на привале.

— Эхма! Видать, оступился, сорвался в пропасть, — перекрестились солдаты.

А утром Прόхор явился. Глянули приятели — не узнать Груши. Красавец солдат перед ними. Новый мундёр, башмаки новые.

Мундёр и башмаки были французские.

Щупают солдаты мундёр. Ай да мундёр! Сукно в полпальца. Ватой подбито.

— Нόгу задери, нόгу! — просят солдаты.

Подымет Прόхор нόгу. Ну и башмаки! Из ремённой кожи, подошва что сталь, шипами покрыта.

— Вот так обнова! — восхищаются солдаты. — Век бы ходить по камням и стуже.

— Где достал? — понеслись голоса.

— Ника́к, дружо́в нашёл у францу́зов!

— Тёщу завёл,— смею́тся солда́ты.

Рассказа́л Про́хор, что ходи́л он к францу́зскому ла́герю, подкра́лся, снял часово́го — вот и разжи́лся.

Зави́дно ста́ло солда́там. В сле́дующую ночь уже́ не́сколько челове́к отпра́вились за добы́чей. Одна́ко наза́д никто́ не верну́лся. Францу́зы уси́лили карау́л и переби́ли пришельце́в.

Так и оста́лся Про́хор Гру́ша оди́н во францу́зской обно́ве.

Походи́л день, второ́й, а пото́м неловко ста́ло солда́ту. Среди́ своих и сло́вно не свой. Сло́вно среди́ просты́х петухо́в — па́ва.

Не рад уже́ Гру́ша теплу́ и удо́бству. Не мил ему́ ни францу́зский кафта́н, ни башмаки́ из реме́нной ко́жи. Стал он предлага́ть трофе́и това́рищам: одному́ башмаки́, друго́му мунди́р.

Отка́зываются, не беру́т, не хотят солда́ты.

— Ты раздобы́л, ты и носи́,— отвеча́ют Про́хору.

Говоря́т солда́ты без зла, без за́висти, просто неудобно́ им брать доро́гой трофе́й у това́рища. А Гру́ше ка́жется, что солда́ты его́ сторо́нятся, что из-за э́тих, будь они́ про́кляты, башмако́в и мунди́ра теря́ет Про́хор ве́рных друзе́й и прия́телей.

Проше́л ещё́ день. Про́клял Гру́ша францу́зский наря́д. Снял мунди́р, снял башмаки́, связа́л бечевой́. Раскрути́л и запусти́л в бездо́нную про́пасть.

Солда́ты шу́мно обсужда́ли посту́пок Про́хора Гру́ши.

— Дура́к,— проговорил кто́-то.

— Эх ты, мышы́ный помёт,— оборва́ли его́ солда́ты.— Пра́вильно сде́лал. Молоде́ц Гру́ша. Желáет как все.

— Молоде́ц! — подтверди́л седоу́сый кап-ра́л.— Мо́жет, и погорячи́лся Прóхор, да, видáть, душа́ у него́ солда́тская.

СА́ЛО

Го́лодно солда́там в походе. Сухари́ от нена́стной пого́ды размо́кли и сгни́ли. Швейца́рские селёния ре́дки и бедны́. Ели лошада́й, копа́ли коре́нья в доли́нах. А когда́ ко́нчились коре́нья и ло́шади, взя́лись за ко́нские шку́ры.

Исхуда́ли, изголода́лись вконе́ц солда́ты. Зата́нули ремни́ на послéдние ды́рки. Иду́т, взды́хают, воспомина́ют, как па́хнут щи, как та́ет на зу́бах ка́ша.

— Хоть бы карава́й хлéба! — взды́хают солда́ты.— Хоть бы са́ла кусо́к!

И вдруг в како́й-то го́рной избе́ солда́ты и впрямь раздобы́ли кусо́к настоя́щего са́ла. Кусо́к ма́ленький, разме́ром с ладо́шку. Обступили́ его́ солда́ты. Глаза́ блестя́т, но́здри раздува́ются.

Решили́ солда́ты са́ло делить и вдруг приза́думались: как же его́ делить — тут впо́ру одному́ бы нае́сться.

Зашумели́ солда́ты.

— Давáй по жре́бию,— предлага́ет оди́н.

— Пусть съест тот, кто нашёл пе́рвым,— возража́ет второ́й.

— Нет, так — чтоб ка́ждому, ка́ждому! — кричи́т тре́тий.

Спо́рят солда́ты.

И вдруг кто́-то произне́с:

— Брѣтцы, а я дѹмаю так: отдадѣм-ка сѣло Суворову.

— Правильно! Суворову! Суворову! — понеслись голоса.

Позвали солдаты суворовского денщика Прощку, отдали ему сѣло, наказали вручить фельдмаршалу.

Довольны солдаты. И Прощка доволен. Стал прикидывать, надолго ли сѣла хватит. Решил: если отрезать в день кусок толщиной с палец, как раз на неделю получится.

Явился Прощка к Суворову.

Сѣло?! подивился тот. — Откуда такое?

Прощка и рассказал про солдат. Мол, солдатский гостинец.

— Дети, богатыри! — прослезился Суворов. Потом повернулся к Прощке и вдруг закричал: Да как ты взял! Да как ты посмел! Солдатам конские шкуры, а мне сѣло...

— Так на то они и солдаты, — стал оправдываться Прощка.

— Что — солдаты? — не утихает Суворов. — Солдат мне дороже себя. Немедля ступай, верни сѣло. Да спасибо скажи. В ноги поклонись солдатам.

— Так они же сами прислали, — упирается Прощка. — Да что для них сѣло с ладоны! Тут лизнуть каждому мало. Вон их сколько, а сѣла как раз на одну персону.

Глянул Суворов на сѣло. Правда, кусок велик.

— Хорошо, — согласился Суворов. — Ступай тогда в санитарную палатку, отнеси раненым.

Однако Прощка снова уперся.

Раненым?! Да куда им сѣло? Да им помирать пора!

— Бессты́жая душа́ тво́я! — заревёл Суво́ров и потяну́лся за плёткой.

По́нял Про́шка, что де́ло мо́жет дурны́м ко́нчиться. Подхватил сáло и помча́лся к санитарной палáтке. На сле́дующий день солда́ты повстреча́ли Про́шку.

— Ну, как са́ло? — спра́шивают. — Ел ли фельдма́ршал? Что говори́л?

То́лько Про́шка собра́лся откры́ть рот, а тут ря́дом появи́лся Суво́ров.

— Де́тушки! — произнёс. — Богда́тыри! Отме́нное са́ло. С де́тства не еда́л тако́го. Стари́ковское вам спа́сибо! — и ни́зко поклони́лся солда́там.

У Про́шки от уди́вления глаза́ на лоб. А солда́ты заулыба́лись, о́тдали фельдма́ршалу честь, поверну́лись и напра́вились к себе́ в ро́ту.

— Понра́вилось, — перешёптыва́лись о́ни по пу́ти. — Вон как благода́рил. Са́ло — о́но така́я вещь, что и фельдма́ршалу не помеша́ет.

«ВІЖУ!»

Закончив арьерга́рдный бой с проти́вником и подобра́в ра́неных, ро́та капита́на Лу́кова догоня́ла свои́х.

Идут солдаты по узкой тропе над самым обрывом пропасти, растянулись почти на версту.

— Не отставай, не отставай! — кричит Лúков. — Раненых вперёд!

Перетащили раненых.

Прошла рота версты две. Стемнело. Задул ветер. Начался снег. Взыграла, закружила метель.

Идут солдаты час, идут два, идут три. Всматривается капитан Лúков вперёд — не видать ли походных костров. Кругом кромешная темнота. Слепит вьюга глаза. Трещит упругий ветер солдатские сюртуки и накидки, задувает снежные иглы под воротники и рубахи, морозит руки и лица. Идут, спотыкаются, скользят в темноте солдаты. С трудом передвигают одеревеневшие ноги. Всё тише и тише солдатский шаг.

— Не отставай! Не отставай! — кричит Лúков.

Прошёл ещё час. И вот уже кончились силы солдатские. Остановились. Хоть убей — не пойдём дальше! Повалились солдаты на камни.

— Вперёд! Вперёд! — надрывает голос Лúков.

Да только нет такой силы, чтобы снова подняла солдатские ноги в поход. Изнемог Лúков, посмотрел ещё раз в темноту — не видно костров, опустился и сам на камни.

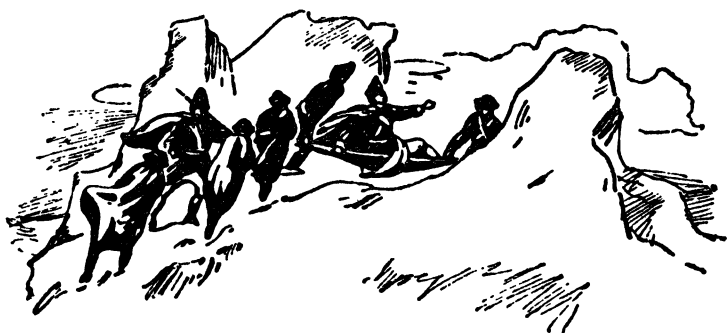
И вдруг:

— Вижу! Вижу!

Встрепенулся капитан. Встрепенулись солдаты. Смóтрят: с носилок привстал раненый солдат Иван Кóжин и тычет рукой вперёд.

— Видит! Видит! — понеслось по цепи.

И откуда только сила взялась. Повскакали солдаты с камней. Подхватили ружья и снова в

доро́гу. Повеселéли солдáты. Ай да Кóжин! Ай да глазáстый!

Прошли́ солдáты с верстú. Тóлько чтó-то огнéй не вíдно. Те, что побли́же к Кóжину, стáли шумéть:

— Где твой костры́? Соврál!

— Вíжу! Вíжу! — по-прéжнему кричít Кóжин и ты́чет пáльцем вперед.

Всмáтриваются солдáты — ничегó не вíдят. Не вíдят, а всё же идúт. Кто его́ знáет, мóжет, и впрáвду Кóжин такой глазáстый.

Прошли́ ещё óколо версты. А всё же кострów не вíдно. И снóва стáли роптáть солдáты:

— Не пойдём дáльше!

— Не верьте ему́!

— Брáтцы! — кричít Кóжин. — Вíжу. Ей-бóгу, вíжу! Тепéрь ужé совсём недалекó. Тепéрь рýдом. Вон как полыхáют, — и снóва ты́чет пáльцем вперед.

Браня́тся, ропщут солдáты, а всё же идúт.

Тропá огибáла какóй-то вýступ. Заверну́ли солдáты за скалú и вдруг внизú, совсём рýдом, сквозь метéль и непогóду и впрямь заблестéли огнí.

Остановились солдаты, не верят своим глазам.

— Видишь? — переспрашивают друг друга.

— Вижу!

— Вижу!

— Вижу!

— Ай да Кожин! Ай да молодец! Ай да глазастый! — кричат солдаты. — Первым увидел. Ура Кожину!

Сорвались солдаты с мест и рысцой вниз к кострам, к теплу, к боевым товарищам.

Притащили и носилки с Ивановом.

— К огню его, к огню! — кричат. — Пусть отогревается. Заслужил! Всех выручил!

Осветило пламя Иваново лицо. Глянули солдаты и замерли. Лицо обожжено. Брови спалены. А на месте глаз...

— Братцы, да он же слепой! — прошептал кто-то.

Смотрят солдаты. Там, где глаза, у Кожина пусто. Выбило вчера в арьергардном бою французской гранатой глаза солдатские.

«РАЗРЕШИТЕ ПОСТРАДАТЬ...»

Преодолели герои горы. Впереди открылась долина. Сгрудились солдаты на скалах, смотрят вниз. Там, внизу, долгожданный конец похода.

— Ура! — закричали солдаты.

Однако рано радовались герои. Оборвалась у самых солдатских ног козья тропка. Подойдешь к краю обрыва — голова кружится. Выделил Суворов отряды. Облязили те округу — нет спуска в долину.

Задумался Суворов, собрал генералов и офи-

церов на военный совет. А солдаты остались над пропастью и тоже решают.

— Надо назад, — говорит один.

— Куда же тебе назад? — возражает второй. — Надо вперёд.

— Ну, а куда вперёд?

Солдат задумался.

— Туда, — показал пальцем в долину.

— «Туда!» — передразнили его товарищи. — Это и без тебя ясно. Только как же туда?

— Надо подумать.

Думают солдаты. Морщат лбы, прикидывают и так и этак. Однако что же здесь придумаешь!

— Братцы, — вдруг произнёс плечистый парень из апшеронцев, — а что, ежели...

Солдаты повернули головы в его сторону.

— У нас в деревне, — стал вспоминать парень, — ого-го какая круча была, так мы, бывало, ребятами с той кручи на чём сидишь съезжали.

— Тьфу! — сплюнул с досады какой-то усач. — На чём сидишь! Да тут от тебя и мокрого места не останется.

— Тут, как богу будет угодно, — перебил его сосед. — Поди, всё же правду говорит парень. Ну, ежели не сидя, так лёжа, может, и получится.

— Мѡжно и лёжа,— соглашается пáрень.

И снова заспóрили солдáты.

Одín за то, что полúчится, другíе — что в этом дéле вёрная гíбель.

— Эхмá! — вздохну́л пáрень.— Былá не былá! — Скинул ша́пку, брósил о кáмни.— Разрешíte,— говорít,— пострадáть за правослáвный нарóд.

Перекрестíлся пáрень, ружьё под мýшку — и к прóпасти. Лёг нá спину.

— Ты куда! — подбежáли солдáты.

— Разрешíte пострадáть...— повторíл пáрень и отпусти́л рúки.

Летít пáрень, переворáчивается то с бóку нá бок, то чéрез гóлову. Ударяется о кáмни. Сюртúк растрепáло, ружьё вы́пало. Смóтрят солдáты, а у самíх мура́шки по тéлу. Пролетёл пáрень ещё мётров сто и вдруг перестáл катíться. Подня́лся, одёрнул сюртúк, замахáл товáрищам.

— Жив! Жив! — закричáли солдáты.

— Брá-а-тцы! — раздаётся снíзу далёкий гóлос.— Смелéй, брá-а-тцы!

Зашумéли солдáты. Задвígались. Брósились к прóпасти. Одín, вторóй, трéтий...

Кóнчил Суворóв военный совет с генерáлами и офицерами, верну́лся к обрýву, смóтрит, а ужé треть áрмии там, внизú, в ширóкой доли́не.

Вскóре вся рúсская áрмия кóнчила спуск. К вéчеру тогó же дня солдáты достíгли гóрода Илáнц. Альпíйский похóд был закóнчен.

— Ну и ну! — поражáлись австрíйские генерáлы.— Олénьими трóпами — провести цéлую áрмию!

— А что,— улыбáлся Суворóв.— Там, где

олень пройдёт, там и солдát пройдёт. Где олень не пройдёт, так и там російскому солдату пути не заказаны.

ГЕНЕРАЛАМ ГЕНЕРАЛ

За Альпійский поход Суворову был присвоен чин генералиссимуса русских войск.

Возвращаясь с группой солдат на родину, фельдмаршал остановился передохнуть в пограничном трактире. Зашёл в избу, заказал себе холодной телятины, миску гречневой каши и стопку вина.

— Ну и каша, дельная каша! — нахваливает Суворов. — Давно такой не едал. И вино дельное. Не грех за русского солдата такое вино выпить.

Около избы расселись солдаты. Тоже едят кашу и пьют вино.

— Дельное вино, — хвалят солдаты. — Крепкое. Не грех такое за фельдмаршала выпить.

И лишь один Прощка крутился около лошадей. Его и обступили местные мужики.

— Что же это за такой непонятный чин теперь у твоего барина? — стали спрашивать они у суворовского денщика.

— А чего тут непонятное? — отвечал Прощка. — Тут всё ясное. Генералиссимус надо разуместь так: генералам всем генерал. Самой главной персоной теперь получается.

— Ты смотри! — произнес парень в онучах.

— А что, верно! — вставил хилый мужичонка в дражных портках.

— Заслужил, — согласился мужик с бородой.

А Суворов в это время стоял на крыльце и всё слышал.

— Не я! Не я! — закричал он с порога.— Не я,— повторил, подойдя к мужикам.— Вон Прощка мой самый главный. Вон тот,— ткнул в сторону рябого высоченного солдата.— Вот этот,— показал на приземистого седоусого капитала.— Вот они,— обвёл рукой остальных солдат.

При этих словах Суворов сел в таратайку и приказал погонять лошадей. Поднялись, двинулись в путь солдаты. Заклубилась дорожная пыль. Грянула солдатская песня.

Остались мужики на дороге. Стоят, недоумевающе смотрят вслед.

— Пошутил барин,— наконец обронил парень в онучах.

— Чудное что-то сказал,— произнёс хилый мужичонка.

— Эх, вы! — заявил мужик с бородой.— Правду сказал фельдмаршал. Без солдата они никуда. В народе — русская сила. Он и есть генералам генерал настоящий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I.

ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ 3

Глава II.

ПРИВЫКАЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕУТОМИМОЙ 53

Глава III.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД 99

Для восьмилетней школы

Сергей Петрович Алексеев

РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ

ИБ № 6666

Ответственный редактор *Г. В. Кузнецова*

Художественный редактор *Л. Д. Бирюков*

Технический редактор *Г. Г. Седова*

Корректоры *И. Н. Мокина* и *М. Ю. Сиротникова*.

Сдано в набор 10 10 83. Подписано к печати 24 04.84.

Формат 84×108¹/₃₂ Бум книжно-журн. № 2.

Шрифт литературный. Печать высокая

Усл печ л 6,72 Усл кр-отт 7,09 Уч.-изд л 4,76.

Тираж 100 000 экз Заказ № 3979 Цена 35 коп

Орден Трудового Красного Знамени
и Дружбы народов издательство «Детская
литература» Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1,
Орден Трудового Красного Знамени фабрика
«Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, Сушёвский вал, 49

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

35 коп.